

томъ на одного изъ членовъ, съ утверждения Епархіальнаго Преосвященнаго“.

Опредѣлили: 1) Въ виду вступленія Инспектора Академіи—профессора *А. П. Шостыкина*, по выбытіи Преосвященнаго Ректора Академіи въ заграничный отпускъ, въ исправленіе должности ректора академіи,—исполненіе инспекторскихъ обязанностей возложить на ординарнаго профессора Академіи *М. М. Таръева*.—2) Постановленіе сіе представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

II. Отношеніе Правленія Рязанской духовной семинаріи отъ 25 апрѣля за № 1177:

„Согласно журнальному опредѣленію своему отъ 31 марта—3 апрѣля сего года, утвержденному Его Преосвященствомъ, Правленіе Семинаріи имѣть честь сообщить Совѣту Академіи, въ отвѣтъ на отношеніе отъ 28 минувшаго марта за № 153, что къ перемѣщенію помощника Инспектора Семинаріи Николая *Шафранова* на службу въ Московскую Духовную Академію препятствій со стороны Семинарскаго Правленія не встрѣчается.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Правленіе Семинаріи имѣть честь препроводить въ Совѣтъ Академіи копию формулярнаго списка о службѣ г. *Шафранова*“.

Справка: 1) Помощникъ инспектора Рязанской духовной семинаріи, кандидат Академіи выпуска 1905 года, Николай *Шафрановъ* Совѣтомъ Московской Духовной Академіи въ собраніи 6 марта сего 1908 года, согласно его прошенію, единогласно избранъ былъ, съ 16-го августа 1908 года, на вакантную должность помощника секретаря Совѣта и Правленія Академіи.—2) По § 81 лит. б. п. 4 устава духовныхъ академій избраніе кандидатовъ на должность помощника секретаря значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи помощника инспектора Рязанской духовной семинаріи, кандидата богословія, Николая *Шафранова*, съ 16-го августа сего 1908 года, въ должности помощника секретаря Совѣта и Правленія Академіи.

На семь „журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. „Іюня 27. Смотрѣно“.

II іюня 1908 года.

№ 9.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—профессоръ А. П. Шостынь, заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ, ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарбевъ, экстраординарные профессора—Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій. Отсутствовали: ординарный профессоръ А. И. Введенскій и экстраординарные профессора П. П. Соколовъ и И. В. Поповъ.

Слушали: І. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1908 г. Іюня 7. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 4-го іюня за № 6653:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 12 минувшаго Мая за № 190, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи о продолженіи исправляющимъ должность доцентовъ въ сей академіи Теодору *Россейкину* и священнику Димитрію *Рождественскому* на одинъ годъ срока для полученія степени магистра богословія. И, по справкѣ, приказали: Принимая во вниманіе, что исправляющіе должность доцентовъ въ Московской духовной академіи Теодоръ Россейкинъ съ 17 сентября 1906 года и священникъ Димитрій Рождественскій съ 10 февраля 1907 года затрудняются въ положенный по § 55 академическаго устава срокъ представить сочиненія для соисканія степени магистра богословія, Святѣйшій Синодъ, согласно вышеизъясненному представленію и руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ 9 мая 1881 г., опредѣляетъ: продлить Россейкину и Рождественскому срокъ для полученія означенной ученой степени на одинъ годъ, а именно—пер-

всему до 17 сентября 1909 г., и второму до 10 февраля 1910 г., о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: 1) Принять къ свѣдѣнію.—2) Содержаніе указа Святѣйшаго Синода объявить исправляющимъ должность доцента Академіи—священнику Д. В. Рождественскому и Ѳ. М. Россейкину.

II. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ собранія Совѣта Академіи 24 апрѣля, № 5: „1908 г. Мая 12. Читано и принято къ свѣдѣнію“.

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію.

III. Отчетъ экстраординарнаго профессора по кафедрѣ психологіи *Ш. П. Соколова*—о научныхъ занятіяхъ заграницей въ теченіи 1906—1907 учебнаго года:

„Испрашивая заграничную командировку, я имѣлъ въ виду двоякую цѣль. Съ одной стороны, мнѣ нужно было заняться въ заграничныхъ библіотекахъ, чтобы дополнить имѣвшійся въ моемъ распоряженіи матеріалъ по нѣкоторымъ интересовавшимъ меня научнымъ вопросамъ; съ другой—я хотѣлъ познакомиться съ современной постановкой преподаванія экспериментальной психологіи въ германскихъ и французскихъ университетахъ. Первая цѣль не выходила за предѣлы моихъ личныхъ научныхъ интересовъ. Ближайшимъ образомъ она стояла въ связи съ предпринятой мною работой о зрительныхъ схемахъ. Такъ какъ эта работа вскорѣ появится въ печати, то здѣсь о ней достаточно только упомянуть. Вторая цѣль была непосредственно связана съ интересами академическаго преподаванія. Изучая новѣйшіе методы преподаванія психологіи заграницей, я имѣлъ въ виду примѣнить ихъ, насколько это возможно и нужно, въ своей собственной преподавательской практикѣ. На этой именно сторонѣ своей задачи я и позволю себѣ остановиться.“

Экспериментальная психологія преподается въ Германіи и Франціи такъ же различно, какъ и изслѣдуется. Въ Германіи она основывается преимущественно на лабораторномъ изслѣдованіи нормальныхъ душевныхъ состояній при помощи психофизическихъ, психофизиологическихъ и чисто психологическихъ методовъ. Поэтому и ея преподаваніе здѣсь сосредоточивается не столько въ аудиторіяхъ, сколько

въ лабораторіяхъ. Въ университетскихъ аудиторіяхъ обыкновенно читаются только общіе курсы преподавательскаго характера.

Такъ какъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ психологія не проводится, то такіе курсы имѣютъ въ большинствѣ случаевъ элементарный характеръ. Но само собою разумѣется, что въ нихъ отражаются и индивидуальность профессора, и его преобладающіе научные интересы. Въ общемъ характеръ этихъ курсовъ опредѣляется въ зависимости отъ того, что выдвигается въ профессорѣ на передній планъ,—преподаватель или изслѣдователь. Въ первомъ случаѣ курсъ можетъ быть превосходенъ по своему изложенію, но мало интересенъ по содержанію; во второмъ—онъ можетъ быть болѣе своеобразенъ и цѣненъ по содержанію, но лишенъ необходимыхъ педагогическихъ качествъ по изложенію. Типичными образчиками курсовъ того и другого рода могутъ служить общіе курсы психологіи Штумпфа въ Берлинѣ и Мюллера въ Геттингенѣ. Курсъ Штумпфа построенъ по плану, который кажется мнѣ наиболѣе цѣлесообразнымъ и котораго я самъ давно держусь въ своемъ преподаваніи. Онъ состоитъ изъ методологическаго введенія и двухъ частей—спеціальной и общей: первая посвящается изученію психическихъ фактовъ и законовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, а вторая—изслѣдованію вопросовъ, стоящихъ на границѣ психологіи и метафизики. Изложеніе курса отличается большою послѣдовательностью, простотою и ясностью. Притомъ оно соединено съ наглядными демонстраціями и опытами при помощи таблицъ и аппаратовъ, нарочно доставляемыхъ для этой цѣли въ аудиторію. Словомъ, для начинающихъ курсъ Штумпфа незамѣнимъ. Но онъ настолько элементаренъ, что человѣкъ, до извѣстной степени знакомый съ психологіей, едва ли могъ бы изъ него чему-нибудь научиться. Гораздо свѣжѣе и интереснѣе курсъ Геттингенскаго психолога Мюллера. Мюллеръ неустанно работаетъ и приноситъ результаты своихъ работъ въ аудиторію. Равнымъ образомъ, онъ слѣдитъ и за тѣмъ, что дѣлаютъ другіе, притомъ не только въ Германіи, а отчасти и за границей (что съ нѣмецкими философами бываетъ не часто). Но именно эти цѣнные качества разсматриваемаго курса становятся источниками же и его недостатковъ. Такъ какъ Мюллеръ стремится

опираться главнымъ образомъ на результаты своей собственной лабораторіи, то онъ естественно даетъ имъ въ лекціяхъ преобладающее мѣсто. Вслѣдствіе этого равновѣсіе курса нарушается и получаютъ чрезвычайно важные пробѣлы. Между тѣмъ какъ ученіе о памяти, составляющее главный предметъ изслѣдованій Мюллера и его учениковъ, занимаетъ у него подъ различными рубриками чуть не половину лекцій, въ его курсѣ нѣтъ ни отдѣла о нервной системѣ, ни отдѣловъ о высшихъ формахъ психическаго синтеза: о личности, характерѣ, сознаніи и бессознательныхъ переживаніяхъ. Получается такимъ образомъ странное зданіе безъ фундамента и крыши. Въ общемъ, подобный курсъ не лишень пожалуй нѣкотораго интереса для специалиста, но едва-ли вполне пригоденъ для начинающихъ.

Какъ я сказалъ, центръ тяжести преподаванія психологін въ Германіи все болѣе и болѣе передвигается изъ аудиторій въ спеціальныя психологическія лабораторіи или, какъ называются наиболѣе значительныя изъ нихъ, психологическіе институты. Такого рода учрежденія существуютъ въ настоящее время уже почти во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ, но особеннаго вниманія изъ нихъ заслуживаютъ четыре: въ Лейпцигѣ, Берлинѣ, Геттингенѣ и Вюрцбургѣ. Лейпцигскій институтъ Вундта является старѣйшею и лучшею изъ всѣхъ существующихъ психологическихъ лабораторій. Основанный еще въ 1879 году, онъ уже давно приобрѣлъ всемірную извѣстность и послужилъ образцомъ для всѣхъ другихъ подобныхъ учрежденій. Въ настоящее время этотъ институтъ занимаетъ обширное помѣщеніе въ 13 комнатъ, имѣетъ прекрасную бібліотеку и располагаетъ такими богатыми научными средствами, какія можно найти еще развѣ только въ нѣкоторыхъ американскихъ университетахъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы его внутренняя дѣятельность вполне соответствовала этимъ внѣшнимъ средствамъ. Самъ Вундтъ уже давно не работаетъ по экспериментальной психологін, а его молодые ассистенты, на которыхъ фактически лежитъ все завѣдываніе институтомъ, конечно не могутъ замѣнить его. Занимающихся въ Лейпцигскомъ институтѣ и до сихъ поръ гораздо больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было; но по недостатку надлежащаго руководства они иногда бываютъ предоставлены самимъ себѣ, и это,

разумѣтся, неблагоприятно отражается на точности и внутренней цѣнности ихъ работъ. Геттингенскій институтъ проф. Эліаса Мюллера является въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ противоположно Лейпцигскому. Онъ не имѣетъ ни такого роскошнаго помѣщенія, ни такихъ обширныхъ научныхъ средствъ, какъ тамъ. Помѣщеніемъ ему служитъ старое, тѣсное и грязноватое университетское зданіе XVIII вѣка. Его годовой бюджетъ, если не считать жалованья ассистенту, единовременныхъ правительственныхъ субсидій, да незначительной платы за занятія, ограничивается ничтожною суммой въ 750 марокъ. Его бібліотека состоитъ почти изъ однихъ журналовъ и необходимыхъ справочныхъ пособій. Аппаратами институтъ снабженъ очень хорошо по оптикѣ, по психофизикѣ, по изученію „чувства времени“ и по изслѣдованію памяти, включая сюда всѣ вспомогательные хронометрическіе и реакціонные инструменты; но отдѣлъ по психологической графикѣ недостаточно полонъ, а по акустикѣ совсѣмъ нѣтъ ничего. Число занимающихся въ Геттингенскомъ институтѣ незначительно и количество выпущенныхъ имъ работъ не велико. Но какъ разъ эти именно работы отличаются особенными достоинствами: по точности метода и по цѣнности результатовъ онѣ представляютъ собою лучшее изъ всего, что появлялось въ этомъ отношеніи въ Германіи за послѣднія 15 лѣтъ. Профессоръ Мюллеръ конечно не обладаетъ такимъ глубокимъ философскимъ умомъ, какъ Вундтъ, и, можетъ быть, не возбуждаетъ особенныхъ симпатій по своему характеру; но слѣдуетъ отдать ему полную справедливость въ томъ, что онъ чрезвычайно точный работникъ и превосходный руководитель. Поэтому Геттингенскій институтъ въ настоящее время все болѣе и болѣе становится центромъ научной разработки психологій въ Германіи, постепенно занимая то мѣсто, какое до сихпоръ принадлежало Лейпцигскому. Берлинскій психологическій институтъ профессора Штумпфа ¹⁾ имѣетъ не со-

1) Кромѣ института Штумпфа, въ Берлинѣ существуютъ еще двѣ психологическихъ лабораторіи,—у фізіолога Нагеля и у психіатра Ціена. Первая (во главѣ которой стоялъ ранѣ покойный Артуръ Кенигъ) занимается преимущественно изслѣдованіемъ проблемъ психофизиологической оптики; вторая находится еще *in statu nascendi* и служитъ пока лишь для демонстраціонныхъ цѣлей.

всѣмъ удовлетворительное помѣщеніе, но обладаетъ всѣми необходимыми научными средствами. У него прекрасная бібліотека и превосходные аппараты по всѣмъ отдѣламъ психологіи. Особенно богатъ здѣсь отдѣлъ акустики, въ которой Штумпфъ въ настоящее время справедливо считается первымъ авторитетомъ въ Европѣ. Работы института посвящены преимущественно акустикѣ. Вюрцбургскій психологическій институтъ профессора Кюльпе является самымъ молодымъ изъ четырехъ названныхъ учреждений. Основанный лѣтъ семь тому назадъ на частное пожертвованіе, онъ въ настоящее время обладаетъ и значительными матеріальными средствами, и вполне достаточнымъ количествомъ научныхъ пособій и аппаратовъ. Его научная дѣятельность, конечно, еще не успѣла широко развиться, но тѣ немногія работы, которыя изъ него вышли, отличаются выдающимися качествами. Изъ этихъ четырехъ психологическихъ институтовъ я особенно близко познакомился въ теченіе настоящей командировки съ Берлинскимъ и Геттингенскимъ. Лейпцигскій институтъ извѣстенъ мнѣ еще съ 1889 года, когда я занимался тамъ въ теченіе лѣтняго семестра. Поэтому въ настоящую поѣздку я ограничился лишь тѣмъ, что еще разъ осмотрѣлъ его да навѣстилъ его маститаго директора. Относительно Вюрцбургскаго института мнѣ также пришлось ограничиться лишь короткимъ осмотромъ. Но въ Берлинѣ и Геттингенѣ я пробылъ всю осень и зиму 1906^{г.} учебнаго года.

Учебныя занятія въ нѣмецкихъ психологическихъ институтахъ поставлены слѣдующимъ образомъ. Обыкновенно студентъ проходитъ здѣсь три послѣдующихъ стадій: сначала онъ слушаетъ вступительный курсъ по экспериментальной психологіи (Einführungscursus), затѣмъ принимаетъ участіе въ чьей-нибудь работѣ въ качествѣ экспериментируемаго лица (Versuchsperson) и, наконецъ, получаетъ самостоятельную работу. Вступительный курсъ, обыкновенно читаемый ассистентомъ, имѣетъ практической характеръ. Слушатели здѣсь не только знакомятся съ основными проблемами и методами экспериментальной психологіи, но и непосредственно участвуютъ въ опытахъ, приобрѣтая первоначальное умѣнье обращаться съ аппаратами и усваивая экспериментальную технику. Такіе вступительные курсы, читаемые всюду, кромѣ

Геттингена, гдѣ они почему-то признаются ненужными (а вѣрнѣе оказываются по нѣкоторымъ причинамъ неосуществимыми), посѣщаются очень усердно. Тѣ изъ слушателей психологическихъ институтовъ, которые не имѣютъ намѣренія посвятить себя исключительно психологiи, обыкновенно и ограничиваются только этими курсами. Другіе проходятъ вторую изъ названныхъ стадій, т. е. принимаютъ участіе въ разработкѣ какой-нибудь спеціальной проблемы въ качествѣ экспериментируемыхъ лицъ. Это участіе является полезнымъ въ двоякомъ отношеніи: институту оно даетъ готовый экспериментальный матеріалъ, а самому студенту доставляетъ возможность ближе познакомиться съ извѣстной проблемой и со способами ея экспериментальной разработки. Поэтому въ нѣкоторыхъ институтахъ, напр. въ Геттингенскомъ, оно считается даже обязательнымъ для всѣхъ ихъ членовъ. Наконецъ, когда учащійся въ достаточной мѣрѣ познакомится съ экспериментальной психологiей, ему дается самостоятельная работа. Тема для такой работы обыкновенно указывается профессоромъ и выбирается изъ круга тѣхъ вопросовъ, изученіемъ которыхъ преимущественно занимается данный институтъ; но въ разработкѣ ея студенту предоставляется большая свобода. Онъ самъ составляетъ ея планъ, устанавливаетъ методъ, приспособляетъ аппараты, подбираетъ сотрудниковъ и обрабатываетъ полученные данныя. Профессору или ассистенту принадлежитъ въ большинствѣ случаевъ лишь общее руководство и контроль. Если работа удачна, то она обыкновенно печатается и служитъ докторскою диссертацией.

Этотъ общій планъ институтскихъ занятій дополняется различными вспомогательными курсами и теоретическими семинаріями. Курсы бываютъ двоякаго рода: элементарные и спеціальные. Къ первымъ принадлежатъ, напр., очень полезные курсы, читаемые въ Берлинскомъ психологическомъ институтѣ физиологомъ Шеферомъ: „Анатомическія и физиологическія основы психологiи“ и „Ученіе о звуковыхъ ощущеніяхъ“. Примѣромъ спеціальныхъ курсовъ могутъ служить курсы Мюллера въ Геттингенѣ: „О психофизической методикѣ“, „О памяти“, „О цвѣтовыхъ ощущеніяхъ“ и „О чувствѣ времени“. Цѣнность и интересъ такихъ спеціальныхъ курсовъ бываютъ, конечно, не одинаковы. Наприм., въ зимнемъ семестрѣ

прошлаго учебнаго года Мюллеръ читаль первый изъ четырехъ названныхъ курсовъ, „О психофизической методикѣ“. и этотъ курсъ возбуждалъ полное недоумѣніе: онъ представлялъ собой простой пересказъ вышедшей три года тому назадъ книги Мюллера: „Die Gesichtspunkte und die Tatsachen der psychophysischen Methodik“, безъ всякихъ существенныхъ пзмѣненій, безъ добавленія чего-либо существенно новаго, даже безъ упоминанія о критикѣ Ламана, къ которой Мюллеру слѣдовало бы серьезно считаться. Теоретическіе семинаріи обычно состоятъ въ докладахъ на различныя темы и въ обсужденіи этихъ докладовъ. Такого рода семинаріи ведется, наприм., Шгумпфомъ въ Берлинѣ. Вопросы, которые обсуждались участниками этого семинарія, были довольно случайны. Читался, напримѣръ, не лишенный научнаго интереса докладъ „О ритмѣ“, который потомъ долженъ былъ послужить его автору предметомъ для докторской диссертациі. На ряду съ нимъ были также доклады, состоявшіе въ простомъ изложеніи отдѣльныхъ параграфовъ учебника Эббингхауза. Въ обсужденіи докладовъ, какъ это обыкновенно бываетъ, фактическое участіе принимали немногіе, но благодаря умѣлому руководству, бесѣда велась толково и проходила оживленно.

Само собою разумѣется, что общими курсами и специальными институтскими занятіями средства изученія психологін въ нѣмецкихъ университетахъ не исчерпываются. Въ настоящее время нельзя быть психологомъ, не зная анатоміи и физиологін. Но и кромѣ этихъ основныхъ наукъ, на каждомъ факультетѣ всегда читается рядъ курсовъ, прослушать которые психологу бываетъ не только полезно, но иногда даже прямо необходимо. Въ Берлинскомъ университетѣ изъ такихъ курсовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія лекціи физиолога Нагеля и психіатра Ціэна, а въ Геттингенѣ блестящіе курсы физиолога Ферворна и тонкія, своеобразныя, хотя, можетъ быть, и не для всякаго интересныя лекціи философа Гуссерля.

Совершенно иную картину представляетъ преподаваніе психологін во Франціи. Тѣхъ формъ психологическаго эксперимента, какія развились въ Германіи на почвѣ старой психофизики, здѣсь почти не существуетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не существуетъ и такихъ психологическихъ институ-

товъ, какъ тамъ. Единственная психологическая лабораторія въ Парижѣ, заслуживающая этого имени, это—лабораторія Бинэ въ École des Hautes-Études при Сорбоннѣ. Но по своимъ научнымъ средствамъ она не можетъ быть даже и сравниваема съ нѣмецкими психологическими институтами. Ея помѣщеніе ограничивается парой небольшихъ комнатъ, а ея инвентарь почти исчерпывается одними только графическими приборами. Еще скромнѣе лабораторіи Пьера Жанэ въ Salpêtrière и Дюма въ Sainte-Anne: онѣ такъ бѣдны экспериментальными средствами и такъ плохо помѣщены, что ихъ стѣсняются даже показывать иностранцамъ. Можетъ быть, нѣсколько большее количество аппаратовъ можно найти въ лабораторіи доктора Тулуза въ госпиталѣ Villejuif; но судя по его книжкѣ „Technique de psychologie expérimentale“, эти „упрощенные“ аппараты задуманы и конструированы до такой степени наивно и нецѣлесообразно, что я счелъ излишнимъ даже осматривать ихъ. Въ числѣ Парижскихъ психологическихъ лабораторій значится еще лабораторія при такъ называемомъ: Institut général de psychologie, надъ устройствомъ котораго особенно ревностно хлопочетъ нашъ соотечественникъ, г. Юрьевичъ. Но эта „лабораторія“ существуетъ не въ дѣйствительности, а только въ мечтахъ ея учредителей, какъ впрочемъ и самый институтъ. Притомъ всѣ эти лабораторіи (если уже употреблять этотъ терминъ) предназначены собственно только для работы завѣдующихъ ими лицъ и ихъ сотрудниковъ; цѣлямъ преподаванія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова онѣ почти не служатъ.

Во Франціи психологія изучается и преподается преимущественно философски и клинически. Наиболѣе выдающимся представителемъ ея философской разработки является Бергсонъ въ Collège de France. Это мыслитель чрезвычайно тонкій и изящный, хотя, быть можетъ, принятые имъ рационалистическіе способы защиты старыхъ спиритуалистическихъ тезисовъ и не всегда приводятъ къ цѣли. Во второмъ семестрѣ прошлаго учебнаго года Бергсонъ читалъ два часовыхъ курса: „Теоріи воли“ и „Разборъ нѣкоторыхъ главъ Психологіи Спенсера“. Оба курса представляли выдающийся интересъ и были замѣчательны какъ по силѣ идейнаго анализа, такъ и по мастерству изложенія. Клиническимъ методомъ пользуются преемникъ Рибо въ Collège de France, Пьеръ

Жанэ, и его коллега въ Сорбоннѣ, Жоржъ Дюма. Жанэ читалъ въ весеннемъ полугодіи двухчасовой курсъ „Объ измѣненіяхъ сознанія въ психастеническихъ неврозахъ“, гдѣ онъ пытался систематизировать, опредѣлить и объяснить тотъ комплексъ симптомовъ, который выдѣленъ имъ изъ истеріи и другихъ смежныхъ заболѣваній подъ названіемъ „психастеніи“. Курсъ блестящій, полный остроумныхъ анализовъ и интересныхъ наблюденій, какъ все, что связано съ именемъ этого выдающагося психолога, но не свободный отъ теоретической предвзятости и нѣсколько грубыхъ парадоксовъ. Маленькій курсъ Дюма „О личности“ (1 часъ въ недѣлю ¹⁾) служилъ продолженіемъ его чтеній въ первомъ семестрѣ и былъ законченъ чрезвычайно рано. Дюма—талантливый и интересный лекторъ, но тѣ двѣ его лекціи, которыя я засталъ, не дали мнѣ возможности составить о немъ выгоднаго мнѣнія, какъ о психологѣ. Одна изъ этихъ лекцій была посвящена графологіи и состояла въ издѣвательской критикѣ книги Бинэ: „Les révélations de l'écriture“, другая заключала въ себѣ довольно поверхностный обзоръ нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненій, имѣющихъ отношеніе къ вопросу о безсмертіи личности. Повидимому курсъ имѣлъ эскизный характеръ и представлялъ собою скорѣе литературно-критическій очеркъ, чѣмъ самостоятельное изслѣдованіе проблемы. Кромѣ этого „публичнаго курса“ Дюма велъ еще 2 часа въ недѣлю спеціальныя занятія со студентами по „вопросамъ, относящимся къ экспериментальной психологіи“. Эти занятія были предназначены для подготовки студентовъ къ экзаменамъ и, какъ обыкновенно бываетъ у французовъ въ такихъ случаяхъ, имѣли школьный характеръ.

Одною изъ особенностей французскаго преподаванія психологіи, рѣзко бросающагося въ глаза иностранцу, является отсутствіе здѣсь въ университетахъ систематическихъ курсовъ. Французскіе профессора совсѣмъ не даютъ такого изложенія психологіи, которое обнимало бы всѣ отдѣлы этой науки, какъ принято дѣлать въ Германіи и у насъ. Ихъ курсы, какъ и ихъ печатныя работы, всегда посвящены от-

¹⁾ Французскіе профессора читаютъ вообще очень небольшіе курсы—1—2 часа въ Collège de France и въ Сорбоннѣ, 2—3 часа на юридическомъ и медицинскомъ факультетахъ.

дѣльнымъ психологическимъ вопросамъ. Таковы были, какъ мы видѣли, курсы Бергсона, Жанэ и Дюма; такой же характеръ имѣли и другіе психологическіе курсы, читанные при мнѣ въ Сорбоннѣ и въ École des Hautes—Études,—наприм., добросовѣстный, но совершенно хаотичный курсъ физиолога Сури о теоріяхъ локалізаціи психическихъ функцій, поверхностный и безсодержательный „вольный курсъ“ (cours libre) доктора Рево д' Аллона о религіозномъ мессіанизмѣ, на рѣдкость бездарный и скучный курсъ доктора Бернара Леруа о мистицизмѣ, необыкновенно блестящій, краснорѣчивый и остроумный, но нѣсколько искусственный по построению и во всякомъ случаѣ не додуманный до конца курсъ социолога Дюркейма о происхожденіи религіи. Всюду „монографическія“ темы и нигдѣ ни одного цѣльнаго систематическаго курса. Это явленіе, конечно, не случайно, и его причины, мнѣ кажется, довольно просты. Дѣло въ томъ, что психологія систематически проходится въ старшемъ классѣ французскихъ лицеевъ (гимназій), и притомъ, судя по существующимъ учебникамъ и программамъ, проходится очень хорошо. Поэтому читать въ университетахъ цѣльные курсы этой науки въ элементарной или пропедевтической формѣ уже не представляется нужды. Что же касается систематическаго изложенія психологіи въ болѣе научномъ духѣ, то для этого у французскихъ профессоровъ не имѣется средствъ. При помощи патологическаго метода, которымъ они преимущественно пользуются, можно выяснитъ не всю совокупность душевной жизни, а лишь нѣкоторые отдѣльные психологическіе вопросы. Такими вопросами французскіе психологи и занимаются.

Но за всеѣмъ тѣмъ патологическій методъ, конечно, чрезвычайно важенъ и услуги, оказанные имъ психологіи, очень велики. Поэтому въ Парижѣ едва ли можетъ быть что-нибудь болѣе поучительное для психолога, чѣмъ курсы знаменитыхъ французскихъ психіатровъ и невропатологовъ. Эти курсы читаются въ госпиталяхъ и ихъ бываетъ по нѣскольку въ каждый семестръ. Таковы, наприм., лекціи Реймонда и Дежерина въ Сальпетриерѣ, Маньяна и Жоффруа въ убѣжищѣ св. Анны, Бабинскаго въ Pitié и др. Почти все эти курсы имѣютъ клиническій характеръ, т. е. соединяются съ демонстраціей больныхъ. Изъ психіатрическихъ курсовъ,

читанныхъ въ весенній семестръ прошлаго учебнаго года. особеннаго вниманія съ психологической точки зрѣнія заслуживаль курсъ преемника Шарко, профессора Реймона, объ истеріи. Слушатели этого курса не только имѣли возможность познакомиться съ современнымъ состояніемъ вопроса объ этой сложной и загадочной душевной болѣзни, но и могли видѣть нѣкоторыя рѣдкія формы истерическихъ психозовъ, вплоть до остатковъ „старой гвардіи“ Шарко. Вышеупомянутый курсъ Пьера Жанэ въ Collège de France о психастеніи въ сущности имѣлъ также психиатрическій характеръ; онъ только не сопровождался демонстраціей больныхъ. Замѣною такихъ демонстрацій служили для меня консультаціи Жанэ въ Сальпетриерѣ. Какъ я уже упоминалъ, Жанэ завѣдуетъ въ Сальпетриерѣ психологическою лабораторіей, куда ему доставляютъ изъ клиники Реймона всѣхъ наиболее интересныхъ больныхъ, и онъ изслѣдуетъ ихъ не только какъ врачъ, но и какъ психологъ. Эти консультаціи имѣютъ собственно частный характеръ и постороннія лица на нихъ не допускаются; но Жанэ, съ которымъ я знакомъ еще съ психологическаго конгресса 1900 года, былъ настолько любезенъ, что пригласилъ меня присутствовать на нихъ. Тотъ, кому извѣстны факты, описываемые этимъ психологомъ въ его работахъ, пойметъ, что я воспользовался этимъ приглашеніемъ съ величайшимъ интересомъ.

Кромѣ Collège de France, École des Hautes—Études, Сорбонны и психиатрическихъ клиникъ, въ Парижѣ существуетъ еще два частныхъ, не государственныхъ учрежденія, гдѣ читаются психологическіе курсы: это—Католическій Институтъ и „Психологическая Школа“ доктора Берильона. Для меня, какъ профессора духовной Академіи, Католическій Институтъ могъ бы представлять особенный интересъ, такъ какъ по своимъ задачамъ и внутреннему строю онъ имѣетъ съ нашими Академіями не мало общаго. Но, къ сожалѣнію, это—закрытое учебное заведеніе, пытаться проникнуть въ которое постороннему человѣку не совсѣмъ удобно. Впрочемъ, такая попытка, можетъ быть, и не оправдала бы ожиданій. Насколько я могу судить по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, въ Институтѣ вполне серьезно поставлены только тѣ науки, которыя находятся внѣ вліянія католической догмы. Таковы, наприм., нѣкоторыя естественныя и филологическія

науки (Физика, минералогія и геологія, семитическіе языки, экспериментальная фонетика). Что же касается богословскихъ и философскихъ дисциплинъ, то научный уровень ихъ здѣсь, повидимому, не высокъ. Психологію преподаетъ въ этомъ церковномъ Университетѣ аббатъ Пэйобъ (Peillaube). Во время моего двукратнаго посѣщенія Института мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось застать профессора Пэйоба и побесѣдовать съ нимъ лично; но изъ разговоровъ съ его учениками я убѣдился, что онъ,—какъ этого конечно и слѣдовало ожидать,—читаетъ психологію въ схоластическомъ духѣ. Конечно, требованія времени становятся въ концѣ концовъ сильнѣе даже католическихъ традицій, и о. Пэйобъ, по словамъ его учениковъ, стремится согласить принципы Томы Аквината „съ теоріями Рибо и Бергсона“. Но какъ онъ соглашаетъ между собою такихъ антиподовъ, какъ Рибо и Бергсонъ, это его секретъ.

Говорить рядомъ съ Католическимъ Институтомъ о „Психологической Школѣ“ Берильона не совсѣмъ подходяще, но ради полноты обзора нужно упомянуть и о ней. То, что называется этимъ громкимъ именемъ, есть просто амбулаторія для леченія гипнотизмомъ алкоголиковъ и порочныхъ дѣтей, съ небольшою залой, въ которой Берильонъ и его помощники читаютъ время отъ времени платные и бесплатные курсы и лекціи о гипнотизмѣ и его терапевтическихъ примѣненіяхъ. Каковы результаты леченія въ амбулаторіи Берильона, я не берусь судить, хотя онъ и расписываетъ ихъ въ очень яркихъ краскахъ. Думаю, что они значительнѣе, чѣмъ дѣятельность его санаторія для идіотовъ и отсталыхъ дѣтей въ Кретэйлѣ (около Парижа). Что же касается его лекцій, то онѣ, по моимъ личнымъ впечатлѣніямъ, лишены всякаго научнаго содержанія и интереса. Единственною ихъ цѣлью можетъ быть только реклама, которая примѣняется Берильономъ въ формахъ, доходящихъ до наивнаго простодушія.

Французскіе психологи относятся къ нѣмецкой экспериментальной психологіи, или, какъ они вообще ее называютъ, „психофизикѣ“, очень критически, отмѣчаютъ недостатки ея методовъ, указываютъ на относительную маловажность ея проблемъ, подчеркиваютъ скудость или спорность ея результатовъ. Но въ концѣ концовъ имъ приходится сознаваться,

что сами они значительно отстали отъ нѣмцевъ. Они понижаютъ, что одной философіи да патологическихъ наблюденій, какъ бы они ни были цѣнны, недостаточно для психологін, что необходимо экспериментальное изученіе нормальныхъ душевныхъ состояній, а, слѣдовательно, необходимы и техническія средства для этого изученія. Они чувствуютъ, что въ настоящее время работать по психологін безъ удовлетворительно обставленныхъ лабораторій уже нельзя, и мнѣ приходилось слышать отъ нихъ горькія жалобы на французское правительство, которое готово давать деньги на что угодно, только не на чисто научныя учрежденія и предирія. Въ утѣшеніе французскимъ коллегамъ я могъ сказать только, что мы, русскіе психологи, по крайней мѣрѣ въ нашихъ духовныхъ Академіяхъ, находимся въ еще гораздо болѣе печальномъ положеніи: у насъ нѣтъ даже тѣхъ скромныхъ научныхъ средствъ, какими они располагаютъ.

Французскіе психологи, конечно, не замедлятъ выйти изъ переживаемаго ими затрудненія; необходимо найти какой-нибудь выходъ изъ него и намъ. Я не буду приводить здѣсь доводовъ въ доказательство необходимости устроить при нашей Академіи психологическую лабораторію или, по крайней мѣрѣ, демонстраціонный психологическій кабинетъ. Эти доводы я уже изложилъ съ достаточною полнотою въ своемъ безуспѣшномъ ходатайствѣ о субсидіи въ 1000 рублей для указанной цѣли, и въ настоящее время мнѣ остается только сожалѣть о крайней скудости средствъ Св. Синода, который лишенъ былъ возможности отпустить на это неотложное дѣло даже такую незначительную сумму. Совѣтъ Академіи, заслушавшій въ засѣданіи 8 іюня 1907 года мое ходатайство, сдѣлалъ мнѣ честь „вполнѣ раздѣлить мои соображенія о неотложной необходимости, въ интересахъ правильной постановки преподаванія психологін, устройства при Академіи психологическаго кабинета“. Однако, Академическія помѣщенія оказались до такой степени тѣсны, что Академія была не въ состояніи отвести для кабинета даже отдѣльную комнату. Все это заслуживаетъ тѣмъ большаго сожалѣнія, что въ это же самое время рядомъ съ нами, въ Московскомъ Университетѣ, министерство ассигновало на устройство и содержаніе психологической лабораторіи 3000 рублей единовременно да 600 рублей ежегодно, а историко-филолс-

гическій факультетъ предоставилъ въ ея распоряженіе три большихъ комнаты и особаго служителя. Очевидно, условія, при которыхъ приходится преподавать психологію тамъ и здѣсь, совершенно несоизмѣримы.

Тѣмъ не менѣе я считаю необходимымъ исполнить свой долгъ предъ моими слушателями до конца. На 1400 рублей, вырученныхъ отъ продажи учебника Фонсегрива, мною заказано за границей и въ настоящее время уже получено значительное количество наиболѣе необходимыхъ пособій и аппаратовъ по экспериментальной психологіи. Говорить о нихъ здѣсь подробно не представляется нужнымъ. Замѣчу только, что у насъ будутъ анатомическія модели и таблицы и главнѣйшіе инструменты по оптикѣ, по акустикѣ, по изученію ощущеній осязанія, температуры и мускульнаго чувства, по психофизикѣ, по изслѣдованію памяти и ассоціаціи и по психометрии. Но само собою разумѣется, что теперь эти пособія и аппараты уже не могутъ сдѣлаться собственностью Академіи“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Прошеніе исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русскои литературы *Н. Л. Туницкаго*:

„Перенесенная мною, серьезная гастрическая болѣзнь, увлекающая за собою мучительныя осложненія въ области дѣятельности сердца и нервной системы, оторвала меня отъ научныхъ занятій на всю первую половину заканчивающагося учебнаго года и ослабила интенсивность моихъ занятій въ теченіе второй половины его. По этой причинѣ я лишень возможности приобрѣсти ученую степень магистра богословія къ концу этого года, т. е. къ сроку, исходатайствованному мнѣ Совѣтомъ Академіи предъ Святѣйшимъ Синодомъ въ іюнѣ прошлаго 1907 года, послѣ двухлѣтней службы моеи въ Академіи. Позволяю себѣ почтительнѣйше просить Совѣтъ Академіи испросить у Святѣйшаго Синода разрѣшеніе оставить меня въ Академіи въ качествѣ исправляющаго должность доцента еще на одинъ годъ, въ теченіи котораго я могу закончить, напечатать и защитить свое сочиненіе.

Медицинское свидѣтельство о болѣзни моеи, выданное изъ Факультетской Терапевтической клиники внутреннихъ бо-

лѣзней при Московскомъ Университетѣ своевременно было представлено мною Преосвященному Ректору“.

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 2 августа 1907 года за № 8823 исправляющимъ должность доцента Академіи Е. А. Воронцову, Д. Г. Коновалову, А. П. Орлову и Н. Л. Туницкому назначенный для получения ими степени магистра богословія срокъ продленъ былъ до разсмотрѣнія Совѣтомъ Московской Духовной Академіи и напечатанія ихъ магистерскихъ сочиненій, но не позже конца 1907—1908 учебнаго года.—2) Определеніемъ Святѣйшаго Синода отъ 9—23 января 1908 года за № 38 и. д. доцента Н. Л. Туницкому, по ходатайству Правленія Академіи, назначено было пособіе на лѣченіе отъ перенесенной имъ тяжелой болѣзни въ размѣрѣ 200 рублей.

Опредѣлили: Признавая просьбу исправляющаго должность доцента Академіи Н. Л. Туницкаго заслуживающею уваженія, просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи г. Туницкому указаннаго въ § 55 устава духовныхъ академій срока для получения магистерской степени еще на одинъ годъ, т. е. до конца 1908—1909 учебнаго года.

V. Прошеніе профессорскаго стипендіата Академіи выпуска 1907 года Александра *Туберовскаго*:

„Заявляя предъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи о своемъ общемъ желаніи поступить на духовно - учебную службу, я позволяю себѣ почтительнѣйше высказать нѣкоторыя частныя желанія, удовлетвореніе которыхъ для меня очень важно. Прежде всего: складъ моей души и большая подготовленность къ преподаванію богословскихъ наукъ побуждаетъ меня стремиться получить мѣсто преподавателя богословскаго предмета (лучше — философско - литературно-систематическаго, нежели историческаго характера) въ одной изъ семинарій Центральной Россіи или Малороссіи. Последнее условіе, касающееся мѣста моего будущаго служенія и вмѣстѣ съ тѣмъ постояннаго жительства, диктуется мнѣ состояніемъ моего здоровья. Если же въ семинаріяхъ центральной или южной Россіи почему-либо невозможно будетъ для меня занять богословскую кафедру, то мнѣ хотѣлось бы имѣть не менѣе, въ виду своего воспитательнаго значенія.

желательную для меня должность помощника смотрителя духовнаго училища (предпочтительнѣе въ губернскомъ городѣ). Послѣднимъ моимъ желаніемъ является поступленіе на ту или другую должность къ началу учебнаго года, такъ какъ отъ этого условія зависитъ плодотворность работы цѣлаго года.—Послѣ всего изложеннаго, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московскои Духовнои Академіи по-содѣйствовать мнѣ въ удовлетвореніи высказанныхъ желаній своимъ ходатайствомъ предъ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ“.

Справка: 1) По § 56 устава духовныхъ академій: „Если приготавливавшійся къ преподавательской должности въ академіи по какимъ-либо обстоятельствамъ не займетъ оную, то установленнымъ порядкомъ назначается на соотвѣтствующую предмету его занятій преподавательскую должность въ одной изъ духовныхъ семинарій“.—2) По § 56 устава духовныхъ семинарій: „Преподаватели семинарій опредѣляются на должности, въ теченіе всего учебнаго года, Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, по докладамъ Учебнаго Комитета“.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода о назначеніи профессорскаго стипендіата Академіи Александра Туберовскаго на должность преподавателя по богословскимъ предметамъ въ одну изъ духовныхъ семинарій центральной или южной Россіи.

VI. Представленный комиссіею (въ составѣ: *Преосвященнаго Ректора Академіи*, Инспектора—профессора *А. П. Шостыина* и исправляющаго должность доцента по кафедрѣ гомилетики и исторіи проповѣдничества священника *Д. В. Рождественскаго*), во исполненіе указа Святѣйшаго Синода отъ 7 ноября 1907 года за № 13423 и порученія Совѣта Академіи отъ 19 декабря того же года,—

„Прозѣктъ положенія о „капиталѣ Титулярнаго Совѣтника *Ивана Алексѣевича Покровскаго*“:

§ 1.

При Московскои Духовнои Академіи учреждается „капиталъ Титулярнаго Совѣтника *Ивана Алексѣевича Покровскаго*“, заключающійся нынѣ въ десяти 4¹/₂ % свидѣтель-

ствахъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка на номинальную сумму *девять тысячъ рублей (9000 р.)* и приносящій дохода 384 р. 75 к. въ годъ.

§ 2.

Капиталь этотъ составляетъ неотъемлемую собственность Московской Духовной Академіи и хранится вмѣстѣ съ прочими, принадлежащими ей капиталами, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3.

Проценты съ сего капитала за первые два года употребляются на вознагражденіе преподавателя декламации, приглашаемаго Ректоромъ Академіи, съ согласія академическаго Совѣта, для чтенія студентамъ, кои того добровольно пожелаютъ, лекцій и для практическихъ упражненій съ ними въ ораторскомъ искусствѣ въ часы, свободные отъ учебныхъ занятій.

§ 4.

Проценты за слѣдующіе два года употребляются на выдачу денежныхъ наградъ студентамъ Академіи, проявившимъ усердіе и способности въ произношеніи въ церквахъ наизусть, безъ тетрадки, краткихъ проповѣдей или поученій (при чемъ собственное сочиненіе не обязательно), направленныхъ: а) противъ лѣни и вообще праздности и б) противъ пьянства и вообще невоздержной жизни. На тотъ же предметъ обращаются и остатки отъ суммы, предназначаемоі на вознагражденіе преподавателю декламации (§ 3), если таковыя окажутся на лицо.

§ 5.

Награды студентамъ назначаются, въ концѣ учебнаго года, Ректоромъ Академіи, по рекомендаціи преподавателя гимнетики, въ размѣрѣ *пяти рублей (5 р.)* за каждое произнесенное студентомъ въ академической или приходской церкви поученіе на указанныя завѣщателемъ темы, удовлетворяющее правиламъ церковнаго краснорѣчія.

Справка: Указомъ отъ 7 ноября 1907 года за № 13423, Святѣйшій Синодъ, разрѣшивъ Совѣту Московской Духовной Академіи принять завѣщанный Титулярнымъ Совѣтникомъ Иваномъ Алексѣевичемъ Покровскимъ капиталъ въ 9000 р., съ присвоеніемъ ему имени завѣщателя, — вмѣстѣ

съ тѣмъ поручилъ Совѣту Академіи „выработать особое положеніе о семь капиталѣ въ соотвѣтствіи съ волею жертвователя и проэктъ такового положенія представить на утвержденіе Святѣйшему Синоду“.

Опредѣлили: Призная представленный комиссіею „Проектъ положенія о капиталѣ Титулярнаго Совѣтника Ивана Алексѣевича Покровскаго“ соотвѣтствующимъ волѣ завѣщателя, просить Его Высокопреосвященство представить оный на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

VII. Представленный комиссіею (въ составѣ: *Преосвященнаго Ректора Академіи, Инспектора-профессора А. П. Шостина* и исправляющаго должность доцента *священника Д. В. Рождественскаго*), во исполненіе порученія Совѣта Академіи отъ 19 декабря 1907 года,—

„Проектъ положенія о преміи за кандидатское сочиненіе имени покойнаго ординарнаго профессора Академіи *Ивана Николаевича Корсунскаго*:“

§ 1.

При Московской Духовной Академіи учреждается премія имени покойнаго ординарнаго профессора Академіи *Ивана Николаевича Корсунскаго*.

§ 2.

Премія составляется изъ процентовъ съ внесеннаго на этотъ предметъ бывшими слушателями и почитателями профессора *И. Н. Корсунскаго* капитала въ количествѣ *одной тысячи трехсотъ рублей* ($4\frac{1}{2}$ ‰—ными свидѣтельствами *Крестьянскаго Поземельнаго Банка*).

§ 3.

Премія присуждается Совѣтомъ Академіи ежегодно окончившему полный академическій курсъ воспитаннику Академіи, представившему отличное по своимъ достоинствамъ кандидатское сочиненіе по одному изъ слѣдующихъ предметовъ, къ области которыхъ относятся оставленные профессоромъ *И. Н. Корсунскимъ* научные труды: Священному Писанію Ветхаго и Новаго Завета, греческому языку и его словесности, русской церковной исторіи и русской библиографіи.

Справка: Вышеупомянутое порученіе дано было комиссіи Совѣтомъ Академіи по выслушаніи, въ собраніи онаго

19 декабря 1907 года, заявленія Преосвященнаго Ректора Академіи слѣдующаго содержанія:

„По смерти ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи *Ивана Николаевича Корсунскаго*, среди его бывшихъ слушателей и почитателей возникла мысль почтить память почившаго наставника учрежденіемъ при Академіи преміи его имени за лучшее кандидатское сочиненіе по одному изъ тѣхъ предметовъ, къ области которыхъ относятся оставленные проф. И. Н. Корсунскимъ научные труды. Собранный въ теченіи вѣсколькихъ лѣтъ для сей цѣли капиталъ въ суммѣ *960 рублей* переданъ былъ мнѣ бывшимъ экстраординарнымъ профессоромъ Академіи В. Н. Мышцынымъ и обращенъ, по моему распоряженію, въ $4\frac{1}{2}\%$ свидѣтельства Крестьянскаго Поземельнаго Банка на сумму *1300 рублей*, имѣющія, съ 2 января будущаго 1908 года, приносить дохода въ годъ—55 руб. 57 коп.—Въ настоящее время означенныя $\%$ бумаги переданы въ распоряженіе Правленія Академіи и внесены на храненіе въ Московскую Контору Государственнаго Банка, вмѣстѣ съ прочими академическими капиталами. Долгомъ считаю довести о семъ до свѣдѣнія Совѣта Академіи“.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи при Академіи преміи имени покойнаго ординарнаго профессора Академіи *Ивана Николаевича Корсунскаго* за одно изъ лучшихъ кандидатскихъ сочиненій воспитанниковъ Академіи и объ утвержденіи вышеизложеннаго проекта положенія о сей преміи.

VIII. Представленный редакціею академическаго журнала „Отчетъ по изданію *Богословскаго Вѣстника* и святоотеческихъ твореній въ 1907-мъ году“.

Справка: Правиль отчетности по изданію „Богословскаго Вѣстника“ п. 7-й: „Совѣтъ Академіи, по полученіи отчетовъ редакціи, избираетъ комиссію изъ трехъ лицъ для обревизованія приходо-расходныхъ книгъ редакціи и книжныхъ запасовъ, находящихся въ редакціонномъ книжномъ складѣ“.

Опредѣлили: Разсмотрѣніе отчета и обревизованіе приходо-расходныхъ книгъ редакціи „Богословскаго Вѣстника“ и книжныхъ запасовъ, находящихся въ редакціонномъ книжномъ складѣ, поручить комиссіи изъ ординарнаго профес-

сора А. А. Спасскаго, и экстраординарныхъ профессоровъ И. В. Попова и С. И. Смирнова.

IX. Предложеніе Пресвященнаго Ректора Академіи:

„Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 24 сентября 1902 года за № 7388 постановлено было: „ежегодно одного стипендіата одной изъ духовныхъ академій, вмѣсто оставленія при академіи въ теченіи одного года, командировать на это время для ученыхъ занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополь, съ назначеніемъ на его содержаніе 1500 рублей въ годъ, вмѣсто стипендіатскаго оклада въ 700 руб., и съ сохраненіемъ за нимъ всѣхъ правъ службы по званію профессорскаго стипендіата, при чемъ дополнительный къ стипендіатскому окладу расходъ по восьмисотъ руб. въ годъ отнести на счетъ духовно-учебнаго капитала по Отд. 1. пар. 1. ст. 2. смѣты расходовъ специальныхъ средствъ Святѣйшаго Синода, съ тѣмъ, чтобы сумма эта ассигновалась поочередно въ распоряженіе академій: С.-Петербургской, Московской, Кіевской и Казанской“.

Въ первый разъ помянутая сумма ассигнована была въ распоряженіе Московской Духовной Академіи на 1904—1905 учебный годъ, когда Совѣтомъ Академіи, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, командированъ былъ для ученыхъ занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополь помощникъ секретаря Совѣта и Правленія Академіи, кандидатъ богословія, Михаилъ Бенеманскій, представившій, вскорѣ по возвращеніи изъ командировки, магистерскую диссертацию по византологіи („*Ἐπὶ τῷ πρόχειρῳ νόμῳ* Императора Василія Македонянина“).

Вторая очередь Московской Духовной Академіи падаетъ на предстоящій 1908—1909 учебный годъ. Но оставленные нынѣ Совѣтомъ на этотъ годъ при Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ профессорскіе стипендіаты Петръ Нечаевъ и Сергѣй Голощаповъ для кандидатской работы и специальнаго изученія избрали предметы, весьма далекіе отъ византологіи: философію и основное богословіе.

Между тѣмъ нынѣ окончили съ отличномъ успѣхомъ полный академическій курсъ и занялъ въ разрядномъ спискѣ 6-е мѣсто кандидатъ богословія Николай Махаевъ, который,

проработавъ послѣдній годъ въ Академіи надъ изученіемъ „Литургической дѣятельности Геннадія, архіеп. Новгородскаго“, то есть, въ области греко-русской пасхалии и нашего церковнаго устава, обнаружилъ не часто проявляемую студентами склонность къ серьезнымъ занятіямъ по наукѣ богослуженія. Годичное пребываніе г. Махаева въ Константинополѣ, въ сосѣдствѣ съ книжными богатствами Аѳона, несомнѣнно углубило и расширило бы его интересъ и познанія въ области избранной имъ специальности и дало бы ему возможность, помимо нагляднаго знакомства съ замѣчательнѣйшими церковно-археологическими памятниками Царя-града, продолжить и свои изысканія въ греческомъ рукописномъ матеріалѣ по предмету заинтересовавшей его темы.

Въ виду изложеннаго, считаю долгомъ предложить Совѣту Академіи ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о командированіи въ Константинополь названнаго мною кандидата Николая Махаева, который съ благодарностью приметъ это порученіе Совѣта и вполне удовлетворится тѣмъ дополнительнымъ къ стипендіатскому окладомъ содержанія въ суммѣ 800 рублей, который имѣетъ быть ассигнованъ въ распоряженіе Московской Духовной Академіи на 1908—1909 учебный годъ“.

Опредѣлили: Соглашаясь съ предложеніемъ Преосвященнаго Ректора Академіи, просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о командированіи на 1908—1909 учебный годъ для научныхъ занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ окончившаго въ текущемъ 1908 году академическій курсъ кандидата богословія Николая Махаева, съ отпускомъ на его содержаніе въ Константинополѣ 800 рублей изъ духовно-учебнаго капитала.

X. Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи Канцеляріи Святѣйшаго Синода отъ 5 апрѣля за № 4228:

„Вслѣдствіе отношенія, отъ 31 минувшаго Марта за № 162, Канцелярія Святѣйшаго Синода имѣетъ честь препроводить при семъ Вашему Преосвященству, для бібліотеки Московской духовной академіи, два экземпляра „Журналовъ и Протоколовъ засѣданій Высочайше учрежденнаго Предсоборнаго Присутствія“, въ 4-хъ томахъ каждый экземпляръ“.

Опредѣлили: Выразить Г. Управляющему Канцелярію Святѣйшаго Синода искреннѣйшую благодарность Совѣта Академіи за этотъ даръ для академической бібліотеки.

XI. Отношенія:

а) Императорской Россійской Миссіи въ Сербіи отъ 26 мая за № 304:

„Императорская Миссія имѣетъ честь препроводить при семь въ Московскую Духовную Академію доставленную Сербскою Академіею Наукъ рукопись „Житіе Св. Наума“, покорнѣйше прося не отказать возвратить оную Миссіи не позднѣе 3-хъ мѣсячнаго срока“.

Справка: Рукопись, выписанная для научныхъ занятій и. д. доцента Академіи Н. Л. Туницкаго, получена и сдана, для храненія и пользованія ею,—въ фундаментальную академическую бібліотеку.

б) Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности отъ 15 мая за № 49:

„Состоящее подъ Высочайшимъ Государя Императора покровительствомъ Императорское Общество Любителей Древней Письменности имѣетъ честь обратиться къ Московской духовной Академіи съ покорнѣйшею просьбою не отказать выслать въ Общество изъ бібліотеки Академіи, срокомъ на четыре мѣсяца, рукопись (Волоколамскую) № 137 (492)“.

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора, рукопись Волоколамской бібліотеки за № 492 препровождена въ Общество при отношеніи отъ 5 іюня за № 265.

в) Тобольской Духовной Консисторіи отъ 22-го апрѣля за № 5828:

„На отношеніе отъ 28 марта за № 155, Духовная Консисторія увѣдомляетъ Совѣтъ Академіи, что пользоваться дѣломъ за № 1760 г. Коновалову продолжено до тѣхъ поръ, пока ему будетъ нужно, затѣмъ обязать его по минованіи надобности означенное дѣло возвратить въ Консисторію“.

г) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры отъ 13 мая за № 753:

„Присланная при отношеніи Совѣта отъ 21-го Апрѣля сего года за № 216 рукопись Лаврской бібліотеки № 573

(„Оброчныя книги 1607 г.“) Духовнымъ Соборомъ получена, о чемъ Соборъ и имѣеть честь увѣдомить“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

ХІІ. Прошеніе и. д. доцента Академіи *Д. Г. Коновалова*:

„Честь имѣю просить Совѣтъ Академіи выписать для моихъ научныхъ занятій, срокомъ на три мѣсяца, слѣдующія рукописи:

1) Изъ Троице-Одигитріевскаго женскаго монастыря (Зосимова пустынь тожь), находящагося въ Верейскомъ уѣздѣ. Московской губерніи, хранящуюся тамъ рукопись основателя этой обители старца схимонаха Зосимы (Верховскаго) о „благодатныхъ дѣйствіяхъ молитвы сердечной“, бывшихъ съ подвижникомъ Василискомъ (смотри „Житіе и подвиги старца схимонаха Зосимы, ч. 1, 2 изданіе, 1889, с. 51, примѣчаніе: „По смерти Василиска, Зосима составилъ двѣ книги: одну—житія Василиска, напечатанную... въ 1849 году, а другую о бывшихъ съ нимъ благодатныхъ дѣйствіяхъ молитвы сердечной, находящуюся нынѣ въ рукописи въ Троице-Одигитріевской обители, имѣ устроенной“) и

2) Дѣло С.-Петербургской дух. консисторіи 1893 года о хлыстѣ Михаилѣ Рябовѣ и его общинѣ, № по архиву 53-й (см. С.-Петербургскій духовный Вѣстникъ, 1900, № 51—52, с. 640)“.

Опредѣлили: 1) Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи выписать въ Академію, для научныхъ занятій и. д. доцента Д. Г. Коновалова, изъ Троице - Одигитріевскаго женскаго монастыря, Московской епархіи, хранящуюся тамъ рукопись старца схимонаха Зосимы о „благодатныхъ дѣйствіяхъ молитвы сердечной“, бывшихъ съ подвижникомъ Василискомъ—срокомъ на три мѣсяца.— 2) Просить С.-Петербургскую Духовную Консисторію выслать въ Академію на таковой же срокъ дѣло 1893 года за № 53.

ХІІІ. Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи бывшаго студента Московской Духовной Академіи, болгарскаго уроженца, *іеромонаха Панарета* (Наумова):

„Вслѣдствіе продолжительной болѣзни я на третьемъ курсѣ уволился изъ числа студентовъ Московской Духовной Академіи 21 сентября 1904 года. Въ настоящее время я

совершенно поправился здоровьемъ и желаю закончить академическое свое образованіе. На III курсѣ, въ теченіе 190³/₄ года, мною поданы всѣ семестровыя сочиненія и проповѣдь, по болѣзни только я не могъ держать переводныхъ экзаменовъ. Представляя благоусмотрѣнію Совѣта Академіи разрѣшить мнѣ держать переводные экзамены или по окончаніи IV-го курса, или же въ началѣ 1908—1909 учебнаго года, всепокорнѣйше прошу Ваше Преосвященство ходатайствовать предъ Совѣтомъ Академіи о принятіи меня вновь своекоштнымъ студентомъ на IV курсъ въ началѣ слѣдующаго 1908—1909 учебнаго года“.

Справка: 1) Болгарскій уроженецъ іеродіаконъ Панаретъ (Наумовъ) по опредѣленіямъ Совѣта Академіи: а) отъ 11 октября 1901 года—принятъ былъ, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, въ число своекоштныхъ студентовъ I курса Академіи; б) отъ 5 іюня 1902 года—переведенъ во II курсъ; в) отъ 5 іюня 1903 года—переведенъ въ III курсъ; г) отъ 3 іюня 1904 года—оставленъ въ III курсѣ на второй годъ,—а по опредѣленію Правленія Академіи отъ 21 сентября 1904 года, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 28 сентября, уволенъ, согласно его прошенію, изъ числа студентовъ Академіи.—2) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „зачисленіе въ студенты академіи“ отнесено въ рязрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи“.

Опредѣлили: Болгарскаго уроженца іеромонаха Панарета (Наумова) принять въ число своекоштныхъ студентовъ IV курса Академіи, разрѣшивъ ему сдать устныя переводныя испытанія по предметамъ III курса въ началѣ слѣдующаго 1908—1909 учебнаго года.

XIV. а) Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи студента I курса Кіевской Духовной Академіи священника *Александра Никольскаго*:

„Обращаюсь къ Вамъ, Ваше Преосвященство, съ покорнѣйшей просьбой: благоволите принять меня въ число студентовъ II курса ввѣренной Вамъ Академіи. Крайняя необходимость заставляетъ меня утруждать Васъ настоящею покорнѣйшею просьбою. Родная моя епархія—пензенская и ближайшая Академія — Московская; въ Кіевскую Академію я

поступилъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы жить вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ, доцентомъ Кіевской Академіи; но мои надежды не оправдались: мой родственникъ заболѣлъ и отъ кафедры отказался, и я въ Кіевѣ остался одинъ, безъ помощи, вдали отъ родной епархіи, а главное принужденъ оставить семью, такъ какъ въ Кіевѣ жить вмѣстѣ съ семьєю при ограниченнѣхъ средствахъ совершенно невозможно; тогда какъ жить съ семьєю мнѣ необходимо въ виду того, что у меня двое дѣтей должны воспитываться въ учебныхъ заведеніяхъ, которыхъ я, въ случаѣ зачисленія меня въ число студентовъ Московской Академіи, намѣренъ устроить съ собою въ Сергіевскомъ Посадѣ“.

б) Конфиденціальный отзывъ къ сему дѣлу Преосвященнаго Ректора Кіевской Духовной Академіи, отъ 12 мая за № 563.

Опредѣлили: Священника Александра Никольскаго принять въ число своекоштныхъ студентовъ II курса Московской Духовной Академіи, съ разрѣшеніемъ жить внѣ академическаго общежитія, на частной квартирѣ.

XV. Прошеніе воспитанника VI класса Симбирской духовной семинаріи *Ильи Листайкина*:

„Отъ 5 марта сего 1908 года мною было подано прошеніе на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Владиміра, Митрополита Московскаго и Коломенскаго, слѣдующаго содержанія: „Я происхожу изъ крестьянъ—чувашъ, Симбирской губерніи. Послѣ смерти отца моего остались при матери я—8 лѣтъ и братъ мой—5 лѣтъ. Мать черезъ годъ вышла за другого мужа, принявъ его въ свой дворъ. По сиротству-ли, или почему другому, я поступилъ въ начальную школу и, вслѣдствіе моихъ усиленныхъ слезныхъ просьбъ предъ родителями, окончилъ второклассную церковно-приходскую школу. Богъ не обидѣлъ меня способностями, ученье въ школахъ было для меня трудомъ пріятнымъ, удовлетворяющимъ моимъ душевнымъ потребностямъ и я во все время пребыванія во второклассной школѣ имѣлъ въ мысли, по возможности, продолжить свое образованіе и, такимъ образомъ, поступилъ и окончилъ полный курсъ церковно-учительской школы въ Пензенской епархіи. По окончаніи курса церковно-учитель-

ской школы, я по особому разрѣшенію Святѣйшаго Синода чрезъ ходатайство мѣстнаго Преосвященнаго поступилъ казеннокоштнымъ стипендіатомъ прямо въ IV классъ Симбирской Духовной Семинаріи безъ экзаменовъ и съ освобожденіемъ отъ изученія древнихъ языковъ.

Въ настоящее время я учусь въ VI классѣ. Весною текущаго года кончаю курсъ. Ученіе въ Семинаріи является для меня трудомъ наиболѣе удовлетворяющимъ моимъ душевнымъ потребностямъ, нежели въ учительскихъ школахъ.

По окончаніи курса Семинаріи, мнѣ крайне хотѣлось бы продолжить свое богословское образованіе въ вѣренной Вамъ Московской Духовной Академіи. Но къ тому встрѣчается препятствіе въ положеніи Духовныхъ Академій, гдѣ пріемъ въ Академію ограничивается воспитанниками, окончившими курсъ Семинаріи въ первомъ разрядѣ и имѣющими баллъ по древнимъ языкамъ.

Какъ инородецъ, освобожденный въ Семинаріи отъ изученія древнихъ языковъ, при окончаніи курса, я не зачисляюсь въ разряды, хотя во все время имѣлъ, имѣю и крѣпко надѣюсь имѣть по всѣмъ семинарскимъ предметамъ баллы перворазрядные.

Московская Духовная Академія, по рассказамъ окончившихъ полный курсъ ея студентовъ изъ чувашъ—Афанасьева, Антонова и другихъ, предъ инородцами не закрываетъ своихъ дверей, она принимаетъ ихъ не подвергая испытанію по древнему языку, но съ обязательствомъ изучить его во время прохожденія академическаго курса и выдержать экзамень.

На основаніи такого свѣдѣнія, я, по совѣту моихъ доброжелателей, рѣшился утруждать Васъ, Ваше Высокопреосвященство, своей нуждой и покорнѣйше прошу оказать мнѣ милость: не найдете ли Вы возможнымъ разрѣшить Духовной Академіи допустить меня осенью текущаго года къ испытанію на поступленіе въ число студентовъ перваго курса, освободивъ отъ испытанія по древнему языку съ обязательствомъ изучить его и выдержать экзамень при окончаніи курса Академіи.

Если Академія не закроетъ передъ мною своихъ дверей, то я крѣпко надѣюсь оправдать Ваше довѣріе и снисхожденіе ко мнѣ“.

На мое прошеніе Высокопреосвященнѣйшій Влади-

міръ, отъ 18 марта сего 1908 г. за № 1208, наложилъ резолюцію: „возвратить прошеніе, порекомендовавъ просителю обратиться въ Совѣтъ Академіи“.

Получивъ такую резолюцію, я рѣшился утруждать своей просьбой Совѣтъ Академіи и благопочтительнѣйше прошу его оказать мнѣ милость: не найдетъ ли онъ возможнымъ, осенью текущего года, допустить меня къ приемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ перваго курса, освободивъ отъ испытанія по древнему языку съ обязательствомъ изучить его и выдержать экзаменъ при окончаніи курса Академіи“.

Справка: 1) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 10—22 января 1903 года за № 118 „тѣ изъ воспитанниковъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, кои не изучали древнихъ языковъ, освобождаются отъ экзамена по симъ языкамъ, съ обязательствомъ, однако же, въ случаѣ поступленія въ академію, въ теченіе академическаго курса ученія сдать экзаменъ по одному изъ древнихъ языковъ“.—2) Въ минувшемъ 1907 году Правленіе Иркутской духовной семинаріи, отправляя на казенный счетъ въ Московскую Духовную Академію для продолженія образованія воспитанника Ѳедора Бунтина, также, какъ и г. Яштайкинъ, прошедшаго курсъ второклассной учительской школы и принятаго въ семинарію по особому разрѣшенію Святѣйшаго Синода, съ освобожденіемъ отъ изученія древнихъ языковъ,—отношеніемъ отъ 27 іюля 1907 года за № 608 просило Совѣтъ Академіи допустить Бунтина къ приемнымъ испытаніямъ, освободивъ его отъ испытанія по одному изъ древнихъ языковъ, при чемъ присовокупило, что „въ 1905 году на указанныхъ условіяхъ, съ разрѣшенія Св. Синода (Указъ Св. Синода Архіепископу Иркутскому отъ 30 мая 1905 г. за № 5454) былъ принятъ въ число студентовъ Казанской Духовной Академіи воспитанникъ Иркутской Духовной Семинаріи Прокопій Летяевъ, также не изучавшій въ Семинаріи греческаго и латинскаго языковъ“.—По вниманію къ означенному ходатайству, студентъ Бунтинъ былъ допущенъ къ приемнымъ испытаніямъ и, по выдержаніи оныхъ, принятъ въ число студентовъ I курса Академіи съ обязательствомъ сдать въ теченіе академическаго курса экзаменъ по одному изъ древнихъ языковъ.

Опредѣлили: Въ виду приведенныхъ въ справкѣ прецедентовъ, допустить воспитанника VI-го класса Спмбирской духовной семинаріи Илью Яштайкина къ имѣющимъ быть въ августѣ мѣсяцѣ сего 1908 года пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ Академіи, съ освобожденіемъ его отъ испытанія по одному изъ древнихъ языковъ.

XVI. Разсуждали о производствѣ *повѣрочныхъ* испытаній студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, имѣющихъ прибыть въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1908 года для поступленія въ составъ новаго (LXVII) академическаго курса по назначенію Начальства и по собственному желанію.

Справка: 1) Определеніемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058: „назначеніе времени и порядка производства испытаній въ академіи“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.—2) Указы Святѣйшаго Синода отъ 8 марта 1873 года за № 10 и 24 марта 1904 года за № 3064.

Опредѣлили: Поручить академическому врачу *С. Н. Успенскому*, въ присутствіи Инспектора Академіи—профессора *А. И. Шостыгина* и члена правленія—профессора *А. И. Введенскаго*, подвергнуть 16-го августа надлежащему медицинскому освидѣтельствуванію всѣхъ прибывшихъ для поступленія въ составъ новаго академическаго курса.—2) 18-го августа назначить письменное испытаніе по основному богословію, 19-го августа—по психологіи и 20-го августа—по составленію поученія.—Тему для перваго сочиненія поручить дать ординарному профессору *С. С. Глаголеву*, для втораго—экстраординарному профессору *П. П. Соколову* и для поученія—и. д. доцента Академіи священнику *Д. В. Рождественскому*.—Чтеніе и оцѣнку сочиненій поручить, кромѣ преподавателей, дающихъ темы, слѣдующимъ лицамъ: перваго—ординарному профессору *М. М. Таръеву*, втораго—ординарному профессору *А. И. Введенскому* и поученія—Пресвященному Ректору Академіи *Епископу Евдокиму*.—Темы сочиненій должны быть представлены на предварительное разсмотрѣніе и одобреніе Пресвященнаго Ректора Академіи.—3) 21 и 22 августа произвести устные испытанія по Священному Писанію Ветхаго Завѣта (составъ экзаменаціонной комиссіи: *Пресвященный*

Ректоръ Академіи, экстраординарный профессоръ А. И. Покровскій и и. д. доцента священникъ Д. В. Рождественскій); 23 и 25 августа—по Священному Писанію Новаго Завѣта (заслуженный ординарный профессоръ *М. Д. Муретовъ*, и. д. доцента *Е. А. Воронцовъ* и *А. П. Орловъ*); 26 и 27 августа—по древнимъ языкамъ (ординарный профессоръ *А. И. Введенскій*, и. д. доцента *Д. Г. Коноваловъ* и преподаватель латинскаго языка); 28 августа и 1 сентября—по общей церковной исторіи (Инспекторъ Академіи—проф. *А. П. Шостынь*, ординарный профессоръ *А. А. Спасскій* и и. д. доцента *Н. Л. Туницкій*); 2 и 3 сентября—по догматическому богословію (заслуженный ординарный профессоръ *А. Д. Бѣляевъ*, экстраординарный профессоръ *И. В. Поповъ* и и. д. доцента *Ф. М. Россейкинъ*).—4) 4-го сентября произвести переводныя и выпускныя испытанія студентовъ Академіи, не державшихъ оныхъ въ маѣ мѣсяцѣ по болѣзни.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Іюля 19. Смотрѣно и утверждается“.

II іюня 1908 года.

№ 10.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—профессоръ *А. П. Шостынь*, заслуженные ординарные профессора *А. Д. Бѣляевъ*, *Н. А. Заозерскій* (сверхштатный) и *М. Д. Муретовъ*; ординарные профессора *А. П. Голубцовъ*, *С. С. Глаголевъ*, *А. А. Спасскій* и *М. М. Тарѣевъ*; экстраординарные профессора—*И. В. Поповъ*, *Н. Г. Городенскій*, *С. И. Смирновъ* и *А. И. Покровскій*. Отсутствовали: ординарный профессоръ *А. И. Введенскій* и экстраординарный профессоръ *П. П. Соколовъ*.

Въ собраніи семь исправляющій должность доцента Московской Духовной Академіи по кафедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій, кандидатъ богословія, *А. П. Орловъ* защищалъ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Тринитарныя воззрѣнія Иларія Пиктавійскаго. Историко-догматическое изслѣдованіе“. Сергіевъ Посадъ, 1908 г.

Оффіціальными оппонентами были: ординарный профессор Академіи по кафедрѣ общей церковной исторіи *А. А. Спасскій* и экстраординарный профессор по кафедрѣ патристики *И. В. Поповъ*.

По окончаніи коллоквиума, Ректоръ Академіи Епископъ Евдокимъ, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту магистрантомъ его диссертациі удовлетворительною.

Справка: 1) По § 136 устава духовныхъ академій: „Кандидаты удостоиваются степени магистра богословія не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ имъ стороннихъ лицъ (коллоквиумъ)“.—2) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „удостоеніе степени магистра и доктора“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи. — 3) По указу Святѣйшаго Синода отъ 23 сентября 1906 года за № 10251 Совѣтамъ Академіи поручено: „донести чрезъ мѣстныхъ Преосвященныхъ о всѣхъ удостоиваемыхъ ими высшихъ ученыхъ богословскихъ степеней лицамъ Святѣйшему Синоду, съ представленіемъ требующихся по опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 19—30 апрѣля 1900 г. за № 1557, 10 экземпляровъ магистерскихъ и докторскихъ диссертаций“.—4) По § 53 устава духовныхъ академій доценты утверждаются въ должности Епархіальнымъ Преосвященнымъ.

Опредѣлили: 1) Исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій, кандидата богословія, Анатолія Орлова, вслѣдствіе признанной Совѣтомъ удовлетворительности какъ представленной имъ диссертациі, такъ и ея защиты,—утвердить въ ученой степени магистра богословія и выдать ему установленный дипломъ на означенную степень.—2) Просить Его Высокопреосвященство донести о семъ Святѣйшему Синоду съ приложеніемъ десяти экземпляровъ диссертациі магистра богословія *А. П. Орлова*.—3) Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи магистра богословія *Анатолія Орлова* въ должности доцента Академіи по занимаемой имъ кафедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Юня 27. Возвратить“.

12 юня 1908 года.

№ 11.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—профессоръ А. П. Шостынь, заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муреговъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій.—Отсутствовали: ординарный профессоръ А. И. Введенскій и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Въ собраніи семь разсуждали о замѣщеніи вакантныхъ въ Академіи каедръ:

1. Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта.

Справка: По § 81 лит. б. п. 4 устава духовныхъ академіи избраніе кандидатовъ на должность доцента значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Принимая во вниманіе, что у Совѣта Академіи въ настоящее время не имѣется въ виду посторонняго кандидата, способнаго занять столь трудную и требующую спеціальной лингвистической подготовки каедру, какъ Священное Писаніе Ветхаго Завѣта, а между тѣмъ въ профессорской корпораціи Совѣту извѣстенъ исправляющій должность доцента по каедрѣ гомилетики и исторіи проповѣдничества *священникъ Д. В. Рождественскій*, какъ обладающій широкою и основательною лингвистическою подготовкою, въ частности по еврейскому и сирскому языкамъ, чего литературнымъ удостовѣреніемъ служитъ изданный редакціею „Богословскаго Вѣстника“ его переводъ съ сирскаго языка окружныхъ посланій Св. Аѳанасія Александрійскаго, — и кромѣ того,—предметомъ своей магистерской диссертациі, бывшей и его кандидатскою работою, имѣющій ветхозавѣтную книгу пророка Захаріи,—ходатайствовать предъ Его Высоко-

преосвященствомъ о перемѣщеніи исправляющаго должность доцента Академіи священника Дмитрія. Рождественскаго съ занимаемой имъ кафедрѣ гомилетики и исторіи проповѣдничества на кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта.

II. Исторіи философіи.

Справка: 1) При окончаніи прошлаго учебнаго года, въ собраніи 13 іюня 1907 года, Совѣту Академіи доложено было предложеніе ординарнаго профессора по кафедрѣ введенія въ кругъ богословскихъ наукъ *С. С. Глаголева* слѣдующаго содержанія:

„Профессоръ А. П. Введенскій взялъ на себя трудъ временнаго чтенія лекцій по исторіи философіи до пріисканія постояннаго преподавателя. Въ качествѣ лица, которое въ будущемъ является желательнымъ, какъ профессоръ исторіи философіи, я предлагаю вниманію Совѣта студента Павла *Флоренскаго*. Изъ всѣхъ извѣстныхъ кандидатовъ на эту кафедру я считаю г. Флоренскаго во 1) наиболѣе подготовленнымъ, во 2) наиболѣе способнымъ, въ 3) по своему религиозно-философскому направленію наиболѣе отвѣчающимъ интересамъ нашей школы.

1) Г. Флоренскій окончилъ физико-математическій факультетъ и былъ оставляемъ при Университетѣ. У насъ въ Академіи неоднократно поднималась рѣчь о необходимости изученія физико-математическихъ наукъ для преподаванія нѣкоторыхъ академическихъ предметовъ. По отношенію къ философіи эта истина является аксіомой. Для человѣка незнакомаго съ физико-математическими науками многія философскія сочиненія являются книгами за семью печатами. Но для историка философіи математика имѣетъ еще особенное значеніе. Математика и философія развивались параллельно, и во многихъ случаяхъ эпохи въ той и другой оказываются совпадающими и связанными съ одними и тѣми же именами. Можно назвать Пифагора, Платона, Декарта, Паскаля, Лейбница, прославившихся и въ философіи, и въ математикѣ. Занимающійся философіею и знакомый съ математикою пойметъ, что такъ и должно быть, ибо для новыхъ идей въ философіи новыя отрасли математики являются обыкновенно схемою и комментариемъ. Можно указать для примѣра *Lex continui* у Лейбница и открытое имъ дифферен-

ціальное исчисленіе. И тамъ и здѣсь одна идея—непрерывности. Думается, что ничто такъ не воспитываетъ способности историческаго пониманія, какъ изученіе математики въ ея исторіи. Математика даетъ пониманіе хронологіи и прагматизма. Процессъ научнаго роста въ математикѣ такъ же ясенъ, какъ образованіе концентрическихъ наслоеній на деревьяхъ, и поступательное движеніе математики таково, что переставлять въ ней исторію идей во имя какой-либо предвзятой идеи совершенно немислимо. Отводя часы досуга занятіямъ математическими дисциплинами, я рѣшительно утверждаю, что занятія математикою воспитали умъ г. Флоренскаго именно такъ, чтобы схватывать и выражать въ математической схемѣ сущность философскихъ идей и улавливать ихъ историческое взаимоотношеніе.

Но подготовленность г. Флоренскаго не ограничивается знаніемъ математики и близкихъ къ ней наукъ—механики, физики, химіи, астрономіи—хотя и такая подготовка для философа—подготовка въ высшей степени важная—очень рѣдка не только въ Россіи, а и за границей. Но г. Флоренскій свѣдущъ и въ иныхъ отрасляхъ знанія. Онъ обладаетъ знаніемъ языковъ. Я слышалъ лестный отзывъ о его работѣ по еврейскому языку отъ Ев. Ал. Воронцова. Г. Флоренскій перевелъ съ латинскаго физическую монадологію Канта, участвовалъ въ переводахъ съ нѣмецкаго трактатовъ Канта (о религіи) и Шеллинга (о мифологіи). Онъ можетъ писать по французски (у него есть работа *Sur les phénomènes électriques et magnétiques de la Terre*). Онъ хорошо освѣдомленъ въ естественныхъ наукахъ. У него обширная литературная начитанность и онъ много занимался исторіей религіи. Доказывать, что все это послужитъ прекрасною подготовкою для профессора по исторіи философіи, излишне.

2) Но не въ одной подготовкѣ дѣло; главнымъ образомъ—дѣло въ духовныхъ дарованіяхъ. Относительно этого нужно сказать, что рѣдко можно встрѣтить людей, которые, какъ г. Флоренскій, такъ быстро схватывали, такъ прочно усвоили и такъ разносторонне и глубоко анализировали то, съ чѣмъ сталкивалась ихъ мысль.

3) Г. Флоренскій поступилъ въ Академію не потому, что его послали, не потому, что передъ нимъ были закрыты двери другихъ высшихъ школъ, а *вопреки тому*, что ему

представлялась близкая возможность стать профессоромъ Университета. Его привлекла въ Академію его религіозная настроенность и его глубокій интересъ къ тѣмъ проблемамъ, которыя составляютъ жизненный нервъ занятій нашей школы. Онъ пришелъ въ Московскую Академію за тѣмъ, за чѣмъ нѣкогда пришелъ въ нее Владим. Серг. Соловьевъ. Но Влад. Серг. очень скоро покинулъ ее, а г. Флоренскій систематически въ скромномъ образѣ студента изучаетъ весь кругъ преподаваемыхъ у насъ дисциплинъ, и будетъ глубоко прискорбно, если этотъ богословъ—философъ—математикъ станетъ украшеніемъ иного учрежденія, а не Московской Духовной Академіи.

Г. Флоренскій написалъ уже немало самостоятельныхъ работъ, нѣкоторыя изъ нихъ имъ напечатаны. Укажу сначала первыя, потомъ назову нѣкоторыя изъ извѣстныхъ мнѣ по его рукописямъ вторыхъ.

I. О суевѣріяхъ (и чудесахъ). Новый Путь. 1903, № 8.

Спиритизмъ, какъ антихристіанство. Ibid. 1904, № 3.

О символахъ безконечности. Ibid. 1904, № 9.

Къ почестямъ вышняго званія. Сборникъ „Вопросы религ.“ 1906, № 1.

О типахъ возрастанія. Богослов. Вѣстн. 1906, № 7.

Объ одной предпосылкѣ міросозерцанія. Вѣсы. 1903, № 9.

Предисловіе къ работѣ Ельчанинова „Мистицизмъ М. М Сперанскаго“. Бог. Вѣст.

II. Ученіе о прерывности, какъ элементъ міросозерцанія.

Обширная монографія въ двухъ частяхъ.

Къ вопросу о функціяхъ постоянныхъ внутри даннаго контура (математическія основанія для ученія о свободѣ воли).

Ученіе Джона Стюар. Милля объ индуктивномъ происхожденіи геометрическихъ аксіомъ (подъ руководствомъ проф. Лопатина).

Идея Бога въ платоновскомъ государствѣ (подъ руководствомъ профес. кн. С. Трубецкого).

Устройство вселенной по Анаксимандру.

Объ измѣненіи именъ, какъ виѣшнемъ знакѣ внутренняго переворота.

Эмпирія и эмпирии (оригинальное расширеніе понятія эмпирическаго)“.

Выслушавъ означенное предложеніе, Совѣтъ Академіи постановилъ: „На кафедре *исторіи философіи* имѣть въ виду окончившаго уже университетскій курсъ по физико-математическому факультету съ дипломомъ первой степени и въ будущемъ 1907—1908 учебномъ году оканчивающаго съ отличными успѣхомъ полный академическій курсъ студента *Павла Флоренскаго*“.

2) Въ настоящее время г. Флоренскій окончилъ полный академическій курсъ первымъ по разрядному списку.—Полученныя за истекающій 1907—1908 учебный годъ новыя данныя о занятіяхъ г. Флоренскаго утверждаютъ въ мысли, что и по своему направленію, и по своимъ познаніямъ онъ совершенно подготовленъ для того, чтобы немедленно стать преподавателемъ Академіи.

3) По § 81 лит. а п. 7 устава духовныхъ академій „принятіе мѣръ къ замѣщенію профессорскихъ и другихъ преподавательскихъ вакансій“ значитъ въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

4) § 50 академическаго устава: „Ищущіе званія профессора или доцента, но неизвѣстные Совѣту своими преподавательскими способностями, сверхъ условій, изложенныхъ въ §§ 45 и 48 (относительно ученой степени), должны прочесть публично, въ присутствіи Совѣта, двѣ пробныя лекціи: одну на тему по собственному избранію, а другую по назначенію Совѣта“.

Опредѣлили: 1) Пригласить на кафедру исторіи философіи окончившаго въ текущемъ 1908 году полный академическій курсъ со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній—*Павла Флоренскаго*, предложивъ ему, въ случаѣ согласія, прочесть въ присутствіи Совѣта установленныя § 50 академическаго устава двѣ пробныя лекціи, послѣ чего и имѣть окончательное сужденіе объ избраніи его на кафедру.—2) Тему для одной изъ таковыхъ лекцій кандидата Флоренскаго поручить дать ординарному профессору Академіи по кафедрѣ метафизики и логики *А. И. Введенскому*.

III. *Новой гражданской исторіи.*

Опредѣлили: Принимая во вниманіе: во первыхъ, что Совѣтъ Академіи не имѣетъ въ виду вполне подготовлен-

наго кандидата на означенную кафедру изъ числа бывшихъ воспитанниковъ Академіи; во вторыхъ, что и по существу такая подготовка затруднительна въ Академіи при недостаткѣ въ ея учебной программѣ всѣхъ необходимыхъ для этого вспомогательныхъ наукъ; въ третьихъ, что профессора новой гражданской исторіи изъ академическихъ воспитанниковъ, вынужденные заниматься для полученія ученыхъ степеней богословскими предметами, какъ показываетъ опытъ прошедшаго, покидаютъ новую гражданскую исторію для богословскихъ кафедръ; въ четвертыхъ, что предложенный въ настоящемъ собраніи на эту кафедру нѣкоторыми членами Совѣта экстраординарный профессоръ Московскаго Университета Александръ Николаевичъ *Савинъ* имѣетъ высшую ученую степень доктора гражданской исторіи, выдающіеся научные труды именно въ области новой гражданской исторіи, наконецъ—продолжительную преподавательскую практику въ Университетѣ,—пригласить на кафедру новой гражданской исторіи экстраординарнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета Александра Николаевича Савина съ званіемъ доцента.

IV. Латинскаго языка и его словесности.

При обсужденіи этого вопроса Совѣтомъ были заслушаны:

а) Отчетъ сверхштатнаго профессорскаго стипендіата Академіи выпуска минувшаго 1907 года *Сергѣя Знаменскаго* о его занятіяхъ въ 1907—1908 учебномъ году:

„Стипендіатскій годъ проведенъ былъ мной въ Петербургѣ, гдѣ я слушалъ лекціи въ Университетѣ и занимался въ бібліотекахъ Академіи Наукъ, Публичной и Университетской.

Въ университетѣ я слушалъ нѣсколько курсовъ историко-литературнаго и чисто филологическаго характера, при чемъ особенное вниманіе сосредоточивалъ на лекціяхъ по латинск. языку. Въ этой области я, согласно руководящимъ указаніямъ проф. П. И. Цвѣткова, прежде всего обратилъ свое вниманіе на способъ комментаціи латинскихъ авторовъ. Результаты своихъ наблюденій постараюсь изложить подробнѣе.

I.

Въ отчетномъ году чтенію латинскихъ авторовъ было посвящено нѣсколько курсовъ. Такъ проф. Θ. Ф. Зѣлинскій читалъ

и комментировалъ *Ars poetica* Горація. Ходъ занятій у него былъ такой. Обыкновенно, начиная лекцію, онъ вкратцѣ повторялъ сущность содержанія и схему движенія мыслей ранѣе прочитаннаго отдѣла, а затѣмъ указывалъ на то, въ какомъ направленіи будетъ двигаться мысль автора дальше. Послѣ этихъ, такъ сказать, приготовленій къ чтенію, онъ прочитывалъ цѣликомъ опредѣленный отдѣлъ и непосредственно приступалъ къ дословному, или вѣрнѣе пословному, переводу этого отдѣла. Грамматическій и синтаксическій анализъ примѣнялся только въ наиболѣе темныхъ и запутанныхъ мѣстахъ, въ каковыхъ случаяхъ профессоръ иногда входилъ въ критику текста, предлагалъ свои конъектуры или приводилъ особенно удачныя и остроумныя поправки къ тексту другихъ ученыхъ критиковъ (напримѣръ, Бентли). Главнымъ же образомъ комментаторъ старался обратить вниманіе на технику Горація, на излюбленные приемы, употребляемые имъ при изложеніи мыслей. Сюда относится наклонность къ матеріализаціи, конкретизаціи отвлеченныхъ понятій, въ родѣ, напр., выраженія, что комическій сюжетъ „не желаетъ“ (*non vult*), чтобы его излагали размѣромъ трагедіи (ст. 89, ср. ст. 99—100, а также конкретизація въ рѣчи о ямбѣ и спондеѣ въ ст. 256—258).

Общая мысль у Горація обыкновенно специализируется на цѣломъ рядѣ частныхъ. Такъ, вмѣсто общаго понятія аффекта у него перечисляются частные виды: чувство гнѣва, грусти, веселости, серьезности (ст. 105—107). Общее понятіе *fortuna* тоже подвергается у него специализаціи, разложенію на частные виды,—*fortunae*—„фортуны“, совокупность которыхъ образуетъ *habitus fortunarum* (ст. 108—118).

Замѣтно бросается въ глаза излюбленный приемъ Горація дѣлать часто выводъ изъ предыдущаго, давать постоянно резюме вышесказаннаго.

Профессоръ не преминулъ также отмѣтить, что для пониманія Горація нужно нерѣдко прибѣгать къ переводу употребляемыхъ имъ словъ и выраженій на греческій языкъ. Напр., техническій смыслъ слова *orbis* (въ ст. 132: „*nes circa vilem patulumque moraberis orbem*“) сразу выяснится, когда мы переведемъ его греческимъ *κύκλος*, въ которомъ данъ намекъ на „циклическихъ“ поэтовъ (ср. ст. 136).

Въ другихъ мѣстахъ оказывается типичный римлянинъ,

который, живя въ сферѣ юридическихъ понятій, даже и въ область поэзіи вносить юридическія выраженія (ст. 131 и 256).

Характеристика техническихъ приемовъ простиралась не только на способъ изложенія и выраженія мыслей, но и на способъ мотивировки, доказательства ихъ. Изъ многихъ мѣстъ *Arg poetica* открывается, что Горацийъ въ вопросахъ эстетики стоитъ на реалистической почвѣ. У него всюду эмпирическая мотивировка. Требуя отъ поэта простоты, естественности, соотвѣтствія реальной дѣйствительности, онъ подтверждаетъ свои тезисы наблюденіями изъ жизни (ст. 101—105).

Нельзя не упомянуть о томъ, что въ своихъ лекціяхъ по экзегезу Горация проф. Зѣлинскій старался сблизить античность съ современностью ¹⁾.

По поводу отдѣльныхъ мѣстъ изъ *Arg poetica* онъ дѣлалъ экскурсы въ область какъ античнаго театра, такъ и современнаго, въ область древнихъ психологическихъ теорій (Аристотель) и новѣйшихъ (законъ трехъ степеней у Вундта и его же классификація аффектовъ (*excitierende und deprimierende, spannende und löscude*), сопоставленная съ горациевой классификаціей: *moestus, iratus, ludens, severus*, въ ст. 105—107).

Всѣ отдѣльныя замѣчанія, разъясненія и толкованія завершались новымъ переводомъ, который представлялъ изъ себя уже вполне изящную литературную рѣчь и вбиралъ въ себя результаты предшествующаго разбора. Благодаря такой постановкѣ дѣла лекціи проф. Зѣлинскаго всегда оставляли впечатлѣніе чего-то стройнаго, законченнаго, какъ классическій періодъ.

Проф. Зѣлинскій кромѣ лат. языка читалъ также лекціи по греческому языку (Софокль, Пиндаръ). Въ виду того, что проф. Цвѣтковымъ мнѣ былъ данъ совѣтъ, въ цѣляхъ надлежащаго изученія лат. языка, обратить вниманіе на греческій, то я, по мѣрѣ возможности, бывалъ на лекціяхъ и по этому предмету. Здѣсь я опять имѣлъ случай познакомиться съ содержательнымъ экзегезомъ проф. Зѣлинскаго. Приемы были тѣ же, что и при толкованіи Горация.

У приватъ-доцента А. И. Малейна (чтеніе Лукреція—De

¹⁾ Эта черта сказывается и въ его печатныхъ трудахъ (см. напр. „Изъ жизни идей“ вып. I—III).

regum natura, Овидія—Ars amator. и элегіи Проперція) порядокъ чтеній былъ такой. Кто-нибудь изъ слушателей читалъ текстъ и переводилъ, при наводящихъ указаніяхъ и поправкахъ со стороны профессора. Послѣ этого профессоръ переходилъ къ комментаціи, которая сосредоточивалась преимущественно на лексической и грамматической сторонѣ изучаемаго текста. Въ прочитанномъ текстѣ отмѣчались слова и выраженія, наиболѣе нуждавшіяся въ объясненіи, и затѣмъ имъ давалось подробное истолкованіе.

При объясненіи словъ обращалось вниманіе на ихъ генеалогію (напр. solium—сабинскаго происхожденія), на первоначальный смыслъ (delinagere—сумасбродствовать, первонач.—уклоняться отъ борозды), на родство съ словомъ изъ другихъ языковъ (taedium сближалось съ слав. „туга“). Указывалось далѣе, гдѣ, у какихъ еще писателей, встрѣчаются извѣстныя слова и выраженія, при чемъ приводились in extenso соотвѣтствующіе тексты изъ этихъ писателей. Для надлежащаго выясненія смысла нѣкоторыхъ словъ обрисовывалась бытовая и культурно-историческая обстановка, въ которой они употреблялись. Такъ по поводу словъ ambitio и ambitus сдѣланъ былъ экскурсъ въ исторію римской предвыборной агитаціи съ ея частными моментами: ambitus (ходженіе кругомъ, по улицамъ, кандидатовъ въ бѣлыхъ одеждахъ (candidati), coitio (стачка), largitio (подкупъ).

У проф. И. И. Холодняка (чтеніе Тацита и Плинія Младшаго) была своеобразная особенность въ самомъ выборѣ матеріала для чтенія. Онъ выбиралъ не одинъ какой-либо отдѣлъ или отрывокъ, а нѣсколько отрывковъ изъ извѣстнаго писателя. Эти „избранныя мѣста“ объединялись внутренне подъ тѣмъ или другимъ угломъ зрѣнія. Такъ въ осеннемъ, семестрѣ содержаніемъ лекцій проф. Холодняка были избранныя эпизоды изъ *Анналовъ* Тацита съ точки зрѣнія историческаго драматизма, а въ весеннемъ—избранная переписка Плинія Младшаго.

Порядокъ и характеръ комментаціи былъ слѣдующій. Обыкновенно чтеніе отдѣльныхъ отрывковъ предварялось соотвѣтствующими вводными замѣчаніями, иногда прямо цѣлымъ введеніемъ. Приступая, напр., къ чтенію начальныхъ главъ XIV книги *Анналовъ*, гдѣ разсказывается объ убійствѣ Агриппины Младшей, профессоръ далъ предваритель-

ную характеристику какъ участниковъ, такъ и лицъ болѣе и менѣе соприкосновенныхъ съ этимъ эпизодомъ: Неронъ, трагическая личность, очерченная у Тацита лучше, чѣмъ у Светонія; Агриппина, мать Нерона—личность съ сильно развитой „волей къ власти“; Пoppея, жена Нерона,—особа съ очень легковѣснымъ нравственнымъ багажемъ, но разыгравшая роль скромницы; Сенека — философъ, у котораго возвышенныя теоріи расходятся съ практикой собственной жизни, черта, роднящая съ другимъ философомъ, Бэкономъ; Аницетъ, адмиралъ Мизенской эскадры, злой геній у Нерона, какъ Нарциссъ у Клавдія; Ацерронія — камеристка Агриппины, типъ преданной до самопожертвованія женщины. Эти живыя характеристики дѣйствующихъ лицъ какъ нельзя лучше подготовили къ дальнѣйшему чтенію самого эпизода.

Послѣ такого рода введеній слѣдовалъ свободный переводъ, который не отступая слишкомъ отъ буквы подлинника, передавалъ превосходно основной тонъ его и колоритъ. Языкъ перевода у проф. Холодняка всегда производилъ впечатлѣніе замѣчательной художественности. Что касается комментаріевъ на текстъ, то они обычно превращались въ цѣлыя очерки историко-литературнаго и археологическаго характера. Напр., письма Плинія Младшаго, касающіяся вопросовъ воспитанія и школьнаго обученія (Ер. II, 18 и III, 3) давали поводъ говорить вообще о характерѣ воспитанія у древнихъ римлянъ, о постановкѣ школьнаго дѣла у нихъ, а также о педагогическихъ взглядахъ нѣкоторыхъ римскихъ писателей. Упомянутое Плиніемъ о его литературныхъ опытахъ въ разныхъ родахъ поэзіи (Ер. VII, 4) служило исходной точкой для характеристики тогдашняго состоянія литературы. Особенно былъ интересенъ комментарий на разсужденія Плинія о гладиаторскихъ бояхъ и цирковыхъ скачкахъ (Ер. VI, 34 и IX, 6). Профессоръ сближалъ гладиаторскіе бои древнихъ римлянъ съ ритуаломъ человѣческихъ жертвъ. Самое названіе ихъ „munus“ (даръ) указываетъ, что это есть жертва богамъ. Такія munera являлись составной частью погребальнаго ритуала (funus) какъ умиловленіе мановъ, подземныхъ (хтоническихъ) божествъ. Это своего рода тризна, поминки по умершимъ. Отсюда термины munera и funera постоянно встрѣчаются вмѣстѣ.

Въ цѣляхъ ознакомленія съ спеціально-исторической интерпретаціей латинскихъ авторовъ я посѣщаль лекціи проф. М. Ростовцева. Имъ былъ взятъ для чтенія рассказъ о Коріюланѣ, какъ онъ передается у историковъ Тита Ливія и Діонисія.

Поставляя задачей разбора опредѣленія исторической цѣнности повѣствованій того и другого писателя, профессоръ естественно больше обращаль вниманіе на такія явленія, какъ хронологическія несообразности, несоотвѣтствіе дѣйствій лицъ съ психологіей ихъ и тому подобныя incongruentia. Иногда давалось объясненіе нѣкоторымъ терминамъ, при чемъ восхожденіе къ коренному смыслу слова часто помогало отчетливости представленія историческихъ деталей. Что такое, напр., *centuria praerogativa*? та центурія, которую на народныхъ собраніяхъ спрашиваютъ или вызываютъ (*rogant*) прежде (*praе*) другихъ.

Часто рассказъ освѣщался свѣдѣніями изъ области римской археологіи, напр., о родахъ и формахъ древне-римскаго вооруженія, о разныхъ видахъ воинскихъ наградъ (*dona militaria*), о способахъ навигаціи по Тибру. По поводу прозвища „Коріюланъ“ даны были свѣдѣнія о римскихъ помен *gentile*, *сognomen*, *praenomen*, и ихъ взаимныхъ различіяхъ.

Умѣнье проф. Ростовцева, специалиста въ вопросахъ по римской археологіи, представить прошлый бытъ и культурную обстановку во всей ихъ конкретной жизненности, приводило къ тому, что слушатели, можно сказать, вживались въ античный міръ, въ своеобразную атмосферу классической древности. Кромѣ этого, замѣчательно было то, съ какимъ умѣньемъ профессоръ вводилъ слушателей, такъ сказать, въ самую лабораторію своихъ научныхъ изслѣдованій.

Анализъ повѣствованія Ливія о Коріюланѣ, сопровождаемый сопоставленіемъ его съ другими мѣстами ливіевой исторіи, велся съ такою строгою логическою послѣдовательностью, что въ головѣ слушателей сами собою формулировались дальнѣйшіе выводы и заключенія. Изъ подробнаго анализа ливіева текста становилось до очевидности яснымъ, что, напр., въ рассказѣ Ливія о морской экспедиціи для закупки хлѣба, по случаю голодовки, есть слѣды трафаретности, отпечатокъ своего рода риторическаго клише, которое накладывается Ливіемъ и въ другихъ мѣстахъ его исторіи.

Вслѣдъ за спеціальнымъ разборомъ повѣствованія Ливія дѣлалось сопоставленіе его съ рассказомъ Діонисія. При сравненіи сразу бросалось въ глаза слѣдующее различіе: у Ливія рассказъ значительно короче, онъ усиленно стремится сокращать его, ставитъ только немного вѣхъ. Далѣе, замѣтна разница въ точкахъ зрѣнія на предметъ: при описаніи суда надъ Коріолономъ Ливій выдвигаетъ больше политическую сторону, Діонисій, наоборотъ, напираетъ на юридическую. Преимущество рассказа Ливія, между прочимъ, заключается въ томъ, что въ немъ больше психологической правды: Коріоланъ по Ливію совсѣмъ не является на судъ (между тѣмъ какъ у Діонисія онъ не только присутствуетъ, но и держитъ рѣчь), и это вполне согласуется съ его патриціанской гордостью и высокоуміемъ (срав. типъ Коріолана у Шекспира).

Такъ путемъ детальнаго разбора вскрыта была техника построенія историческаго рассказа у Ливія и Діонисія. Въ итогъ получалось убѣжденіе, что Діонисій рисуетъ эпизодъ по анналистикѣ Сулловой эпохи, между тѣмъ какъ у Ливія редакція преданія—до-суллова, его источникъ—отблескъ анналистики эпохъ Гракховъ. Этотъ, добытый путемъ внимательнаго и строго-научнаго анализа результатъ совершенно расходится съ выводомъ Моммзена, который утверждаетъ, что Діонисій и Ливій черпали изъ одного источника.

Лекціи проф. Булича по сравнительной фонетикѣ индоевропейскихъ языковъ ввели меня въ кругъ сравнительнаго языковѣдѣнія и познакомили съ принципами сравнительно-историческаго метода. Примѣры изъ латинской фонетики здѣсь приводились въ связи съ фонетическими иллюстраціями изъ языковъ греческаго, готскаго, кельтскаго, славянскаго и санскрита. О значеніи данныхъ сравнительнаго языковѣдѣнія для латинскаго языка рѣчь будетъ ниже.

II.

По исторіи римской литературы мной былъ выслушанъ спеціальныи курсъ проф. Холодняка. Въ теченіе учебнаго года профессоръ успѣлъ изложить подробно и обстоятельно лишь исторію древнѣйшаго періода римской литературы и начальныя стадіи развитія римской литературы подъ вліяніемъ эллинизма.

Въ введеніи къ курсу отмѣчены были главные моменты въ развитіи данной науки и охарактеризовано современное ея состояніе (рѣшительный переходъ отъ 'наблюдательно-описательнаго и описательно-классифицирующаго метода къ методу философско-прагматическому). Далѣе указаны были принципиальныя различія въ характеръ и развитіи античныхъ литературъ, греческой и римской, и значеніе послѣдней. Исторію римской литературы проф. Холоднякъ дѣлитъ на 4 большихъ періода: два республиканскихъ и два императорскихъ. Республиканскіе періоды: 1) отъ сложенія римской общины до начала вліянія эллинизма, т. е. до 3-го вѣка до Р. Хр. 2) періодъ зависимой художественной литературы съ раздѣленіемъ на подотдѣлы: а) отъ Л. Андроника до начала I-го вѣка до Р. Хр. и б) отъ начала I-го вѣка до смерти Августа. Императорскіе періоды: 1) отъ Августа до Константина, 2) отъ Константина до Юстиніана.—За введеніемъ въ исторію литературы слѣдовало ея изложеніе съ самыхъ первыхъ моментовъ ея зарожденія. Въ древнѣйшемъ періодѣ историку приходится имѣть дѣло съ небольшими лишь остатками поэзіи, порой съ одними слѣдами народнаго творчества въ Римѣ, а иной разъ бываетъ можно говорить только о намекахъ на ея существованіе. Въ виду этого нѣкоторые историки римской литературы, напр., Шанцъ, почти вовсе отказываются отъ схематизаціи и дѣлятъ всѣ остатки римской древнѣйшей поэзіи по формѣ исполненія: 1) пѣніе съ пляской, 2) пѣніе безъ пляски и 3) *carmen* въ смыслѣ сентенціи, „реченія“ (*Spruchdichtung*). Проф. Холоднякъ однако пытается дать нѣкоторую систематизацію имѣющагося запаса. Остатки поэзіи древнѣйшаго періода римской литературы, до вліянія на нее эллинизма, обозрѣваются у него подъ слѣдующими рубриками: древнѣйшій эпосъ (*carmina convivalia, peniae*), древнѣйшая лирика (лирика богослуженная, *carmina Arvalia* и *Saliaria*, молитвословія частнаго быта, лирика неканонизованной религіи, — *incantamenta, divinatio*, оракулы, поговорки, народныя пѣсни), древнѣйшая драматическая поэзія (*ludi scenici*) и эволюція народнои драмы въ Римѣ. Всѣ данныя, какія только даетъ римское литературное преданіе о древнѣйшей поэзіи, использованы были въ курсѣ проф. Холодняка со всею тщательностью и благодаря этому темный періодъ литературы получилъ яркое освѣщеніе.

Далѣ слѣдоваль обзоръ прозы древнѣйшаго періода. Сюда относятся: письменность духовныхъ коллегій съ ихъ индигитаментами и ритуалами, письменность свѣтскихъ коллегій, республиканскихъ магистратовъ, юридическіе памятники. Другой отдѣлъ прозы—древнѣйшая исторіографія.—Сюда принадлежатъ *fasti* и календарь, лѣтописи и тому подобные образцы государственной исторіографіи. Кромѣ того у римскихъ писателей встрѣчаются указанія на существованіе въ древнѣйшемъ періодѣ исторіографіи частнаго характера. Къ области семейной исторіографіи (*monimenta privata*) причисляются: а) такъ называемые *imagines majorum*,—портретныя галереи предковъ съ надписями (*tituli imaginum*), изъ которыхъ образовывалось цѣлое родословное древо (*stemma genealogicum*; б) семейные архивы (*tablina, tabulina*), о которыхъ говоритъ Плиніи Старшій и Фестъ, и съ которыми справлялись историки, напр., Діонисій, в) семейныя хроники или семейныя лѣтописцы (*commentarii domestici*), въ родѣ тѣхъ, какіе велись у насъ въ Россіи въ старину и иногда издаются нашими архивными комиссіями (напр. „Лѣтописецъ Рубцовыхъ“). Есть намеки на существованіе въ эту древнѣйшую эпоху краснорѣчія въ видѣ „демегорій“, о которыхъ сообщаютъ римскіе историки, а также надгробныхъ словъ—*laudationes* (*conspiones*) *lunebres*, составлявшихъ часть похороннаго ритуала. Результаты обзора литературной дѣятельности римской общины въ первыя пять столѣтій ея исторической жизни были обобщены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Въ этотъ періодъ для дальнѣйшаго развитія былъ заложенъ прочный фундаментъ, въ видѣ образцовъ того или другого рода письменности, и въ видѣ даже указанія пути къ этому развитію, такъ что слѣдующій періодъ есть во многихъ отношеніяхъ эволюція предыдущаго. Напр., „неніи“, эти простыя заплачки, жалобныя причитанія по умершимъ, являются прототипомъ для послѣдующихъ художественныхъ, поэтическихъ „скорбей“. *Ludi scenici* и обломки эпическихъ традицій, въ видѣ *carmina convivalia*, подготовили почву для драмъ и эпоса періода эллинистическаго вліянія. Но особенно хорошо была подготовлена почва для прозы и исторіографіи, а краснорѣчіе новаго періода прямо примкнуло къ уже даннымъ образцамъ предшествующаго времени.

2) Литература разобраннаго періода въ значительной сте-

пени національна и эта черта націонализма кладеть замѣтную грань между первымъ и слѣдующимъ, эллинистическимъ періодомъ римской литературы.

3) Въ данную эпоху еще на развито личное, свободное художественное творчество и за весь періодъ намъ извѣстно только одно литературное имя—Аппій Клавдій Слѣпой (Caecus).

4) Въ теченіе первыхъ пяти вѣковъ жизни Рима проза имѣеть значительный перевѣсъ надъ поэзіей, что стоитъ въ связи съ практицизмомъ римской общины, дававшимъ знать о себѣ и въ послѣдующіе періоды.

Что касается литературы эллинистическаго періода, то въ этой области проф. Холоднякъ успѣлъ подробно обозрѣть литературную дѣятельность трехъ первыхъ римскихъ писателей—Ливія Андроника, Невія и Эвнія.

Ливій Андроникъ—піонеръ эллинистической поэзіи въ римской литературѣ и, какъ таковой, является эпонимомъ цѣлой эпохи. Онъ дебютировалъ во всѣхъ трехъ областяхъ художественной поэзіи. На первомъ планѣ стоитъ его эпическое произведеніе, — поэтический пересказъ Гомеровою Одиссеи, который имѣлъ огромное культурное значеніе, такъ какъ, будучи употребляемъ въ обиходѣ римской школы, онъ вводилъ подрастающую молодежь въ новый кругъ идей и одновременно выводилъ ее за предѣлы націонализма. Еще важнѣе было вліяніе этой поэмы на литературу, такъ какъ Одиссея Андроника указала на возможность появленія новыхъ темъ и сюжетовъ, указала на возможность разработки художественнаго эпоса при помощи средствъ римской литературы.

Въ лирикѣ Андронику усваивается составленіе торжественнаго, священнаго гимна (родъ *карθένіоѳа*) въ честь богини Юноны Царицы (Juno Regina). Наконецъ, въ области драмы ему принадлежитъ рядъ переводовъ или, вѣрнѣе, пересказовъ греческихъ пьесъ (трагедій и комедій). Его комедіи были очень важнымъ прецедентомъ для дѣятельности послѣдующихъ комическихъ писателей.

Невій, литературный наслѣдникъ Андроника, сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ впередъ. Въ эпосѣ онъ пытался создать національную эпопею. Его *Bellum Punicum* имѣла крупное историко-литературное значеніе. На плечахъ Невія стоятъ не

только ближайшіе эпика, но и самъ маэстро римской эпохи, Виргилій. Въ комедіи Невіи сблизилъ палліату почти вплотную съ римской дѣйствительностью, въ трагедіи далъ опытъ претексты.

Особенно былъ обстоятеленъ у проф. Холодняка обзоръ сохранившихся до насъ матеріаловъ дѣятельности на почвѣ римской эллинистической поэзіи Квинта Эннія. Если Андроникъ идетъ путемъ, болѣе близкимъ къ эллинистическому направленію, если Невіи круто свертываетъ въ сторону болѣе или менѣе чистаго націонализма, то Энній старается идти среднимъ путемъ и полагаетъ начало умѣренному эллинизму. Въ художественномъ отношеніи его произведенія стоятъ гораздо выше, чѣмъ труды Андроника и Невіа. Въ драмахъ Эннія мы видимъ уже не попытку, а цѣлый рядъ мастерскихъ произведеній. Одной изъ любимѣйшихъ отраслей дѣятельности Эннія была трагедія. Благодаря солидной эрудиціи въ области греческихъ трагиковъ, греческая трагедія Эсхила, Софокла и въ особенности Эврипида, нашла въ немъ хорошаго перелагателя. Изъ детальнаго сопоставленія фрагменты Эннія съ греческими подлинниками открывається, что онъ отнесся къ оригиналамъ не какъ рабъ-перевсдчикъ, а какъ художникъ—творецъ, отлично знавшій при томъ условіе своего театра и понимавшій свою римскую публику. Въ качествѣ образца художественности приведены были отрывки изъ энніевой „Андромахи—плѣнницы“ (Andromacha—*aechmalotis*) и „Alcumeo“. Въ обоихъ мѣстахъ мастерски проведено *crescendo* психического аффекта, — отъ простой скорби до урагановъ отчаянія (въ пѣснѣ Андромахи), отъ тихой жалобы до взрыва роковой маніи преслѣдованія (въ словахъ Алкмеона, который жалуется на Эринній, и во время разказа имъ постепенно овладѣваетъ аффектъ ихъ присутствія). Понимавшій свою публику поэтъ внесъ въ свой текстъ кое что и римское. Сюда относятся излюбленные у римлянъ аллитераціи и параномазіи (напр. *nominatur—nomine, ega—egans*), которыми изукрашены у Эннія нѣкоторыя тирады, затѣмъ — афоризмы и сентенціи, изложенныя въ грубоватой формѣ, во вкусѣ римской публики.

Давъ Риму художественную драму, Энній пытался дать ему и настоящій эпосъ, уже не въ видѣ пересказа Гомера, или большой былины, какъ у Андроника и Невіа, а въ видѣ

настоящей художественной эпопеи. Это — его „лѣтопись“ (Annales), называемая также „Ромайдой“. Общій фонъ ея — анналистическій, но Энній умѣлъ улавливать поэтическое и на страницахъ настоящей исторіи (напр. описаніе битвы при Каннахъ, подвигъ римскаго трибуна въ Истрійской войнѣ, очеркъ народной смуты во второй Пунической войнѣ въ Римѣ), онъ показалъ первый примѣръ превращенія исторіи въ художественную эпопею, далъ римлянину первую художественную скрижаль его исторіи. Художественный талантъ его сказывается во многихъ мѣстахъ „лѣтописи“. Въ качествѣ шедевровъ обычно приводится монологъ Илиі, гдѣ мастерски соединяется эпическая величавость съ трагическимъ паѳосомъ. Не уступаетъ „сну Илиі“ по живости описанія и знаменитый отрывокъ о птицегаданіи Ромула и Рема.

Не менѣ замѣчательно было въ эпопеѣ Эннія и то, что она написана была гекзаметромъ, — каноническимъ стихомъ греческаго художественнаго эпоса. Какъ первый опытъ въ римской поэзіи, его гекзаметры, конечно, не могли быть такъ же легки и изящны, какъ гомеровскіе, но зато они имѣли значеніе для послѣдующей литературы. Если Андроникъ и Невій въ своихъ драмахъ показали, что на почвѣ латинской рѣчи возможно созданіе греческихъ метровъ, въ родѣ сенара, тетраметра, даже анапеста и баккія, то Энній своимъ гекзаметромъ показалъ дорогу всѣмъ будущимъ дактиликамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вывелъ эпосъ на путь художественной ритмической композиціи.

Наконецъ, Энній сдѣлалъ попытку ввести въ обиходъ римской литературы и новые, дотолѣ неизвѣстные роды поэзіи, впоследствии вошедшіе въ плоть и кровь римской поэзіи. Сюда относятся, напр., его философско-дидактическія поэмы, въ которыхъ онъ является предшественникомъ и учителемъ гениальнаго Лукреція. Таковы — „Ericharmus“ — прецедентъ поэмы *De rerum natura*, — величайшаго произведенія античнаго дидактическаго эпоса, и „Eugemeus“ — поэма трактата, представляющая пересказъ сочиненія философа Евгемера „Ἱερὰ ἀναγραφή“ (священная запись).

Новинкой въ римской литературѣ были написанныя Энніемъ (по свидѣтельству схолиаста Порфиріона, въ количествѣ четырехъ книгъ), такъ называемыя „сатуры“. Этотъ родъ литературы ведетъ свое происхожденіе изъ Александрій-

скаго періода греческой литературы, который вообще многодалъ литературѣ Рима. Введенныя Эніемъ сатуры представляли изъ себя литературную смѣсь какъ по внѣшней формѣ (стихи разныхъ метровъ), такъ и по содержанію (философско-нравственныя разсужденія въ видѣ діалога, басни, отдѣльныхъ сентенцій; характеристики, въ родѣ мѣткого изображенія „паразита“; литературныя разсужденія и описаніе природы). Выѣстъ съ сатурами пересаженъ былъ Эніемъ на римскую почву и другой продуктъ греческой литературы—эпиграммы, т. е. стихотворныя надписи, компонованныя элегическимъ дистихомъ.

Таково было содержаніе лекціи проф. Холодняка. Изъ представленнаго обзора ихъ видно, что онъ старался какъ можно рельефнѣе изобразить постепенный ростъ римской литературной дѣятельности, эволюцію литературныхъ формъ, медленный, но неуклонный прогрессъ литературной техники въ сторону все большей и большей художественности.

Характерную особенность курса проф. Холодняка составляетъ и то, что въ немъ удѣляется много мѣста біографическимъ обзорамъ, гдѣ выясняется, при какихъ культурно-историческихъ условіяхъ возникла и какъ протекла работа автора. Біографическія свѣдѣнія всегда завершались у него мастерскими характеристиками писателей. Такъ, напр., очень живо и ярко очерчена была фигура Невія, гордаго и свободлюбиваго кампанца, личности удивительно цѣльной, которая даетъ себя чувствовать на каждой страницѣ и въ каждой строчкѣ своихъ произведеній. Духовный обликъ Энія иной. Это была натура кроткая, уживчивая, склонная на компромиссы. Она какъ нельзя болѣе подходила къ роли примиренія въ римской поэзіи двухъ элементовъ—греческаго и національнаго.

Благодаря такимъ характеристикамъ жизнь и литературная дѣятельность писателей сводилась въ одно органическое цѣлое и въ результатѣ получалась законченная картина.

Чтобы ознакомиться съ римской литературой въ цѣломъ ея объемѣ и вообще ориентироваться въ историко-литературныхъ вопросахъ, я обратился къ печатнымъ курсамъ по исторіи римской литературы. Изъ такихъ курсовъ проф. Холоднякомъ особенно были рекомендованы труды Шанца (Schanz) и Ламарра (Lamarre), на которыхъ онъ часто ссылался въ своихъ

лекціяхъ и съ сужденіемъ которыхъ, по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, не разъ знакомилъ.

Капитальный трудъ М. Шанца, занимающій теперь въ Германіи первое мѣсто среди курсовъ по исторіи римской литературы, носить слѣдующее заглавіе: *Geschichte der Römischen Litteratur* (входитъ въ энциклопедію *Iw. Müller. Handbuch d. Klass. Altertumswissensch.*). Исторія римской литературы доведена у него до поздней имперіи и изложена по культурно-историческимъ періодамъ. Значительное мѣсто удѣлено въ этомъ курсѣ христіанской латинской литературѣ и ссылки на него приходится не разъ встрѣчать въ научныхъ церковно-историческихъ изслѣдованіяхъ. Масса ученыхъ примѣчаній, присоединяемыхъ къ каждому отдѣлу и главѣ, прекрасно вводятъ въ литературу предмета.

Другой трудъ, принадлежащій французскому ученому Ламарру, озаглавивается такъ: „*Histoire de la litterature latine*“,—изданіе, рассчитанное на 12 томовъ; пока вышли восемь. Профессоръ Холоднякъ ставитъ это, можно сказать, монументальное произведеніе на первое мѣсто не только въ ряду французскихъ изслѣдованій, но и вообще среди новѣйшей ученой литературы по данному предмету. Исторія римской литературы доведена въ этомъ курсѣ до вѣка Августа включительно. Изложена она, какъ и у Шанца, по культурно-историческимъ періодамъ, но картина литературнаго развитія обрисована здѣсь болѣе подробно. Одно введеніе, гдѣ говорится объ этническомъ составѣ, о началахъ италійской культуры и происхожденія латинскаго языка (*Origines de langue latine*), занимаетъ у него цѣлый томъ. Далѣе, въ качествѣ *Appendix'a* къ обзору отдѣльныхъ періодовъ литературы, присоединены спеціальныя томы, представляющіе собраніе большихъ отрывковъ изъ авторовъ даннаго періода, въ оригиналѣ и переводѣ на французскій языкъ. Это своего рода—хрестоматія къ отдѣльнымъ періодамъ (таковы т. 4 и 8). Изученіе этихъ и другихъ наиболѣе капитальныхъ курсовъ по исторіи римской литературы было важно для меня не только въ смыслѣ обогащенія фактическими свѣдѣніями, но, что главнѣе всего, въ смыслѣ ознакомленія съ разнообразными научными приемами объясненія историко-литературныхъ фактовъ. Къ характеристикѣ этихъ научныхъ методовъ я сейчасъ и перейду.

Если въ произведеніяхъ отдѣльнаго писателя можно находить отраженіе его личности, то въ литературѣ цѣлаго народа можно видѣть отраженіе его коллективной души, его національнаго характера. Подробное развитіе этого положенія мы находимъ въ книгѣ Bernhardy: Grundriss der Römischen Litteratur.

Уже на первыхъ страницахъ своего труда Бернгарди говорить, что для характеристики всякой литературы необходимо исчерпывающее знаніе самой національности, что творческій духъ народа неизбѣжно проникаетъ собой всю его литературу. Всѣ, даже самыя гениальныя произведенія, стоятъ подъ общимъ вліяніемъ своей общественности, носятъ отпечатокъ національнаго самоопредѣленія. Литература есть вѣрный отобразъ народа. Особенно это вѣрно по отношенію къ литературѣ римлянъ,—народа съ сильно развитымъ національнымъ самосознаніемъ. Отсюда и во введеніи самого Бернгарди мы встрѣчаемъ, на ряду съ общей характеристикой римской литературы, очеркъ характера самихъ римлянъ.

Эта національная характерологія не только можетъ служить средствомъ для объясненія историко-литературныхъ фактовъ, но и, въ связи съ другими методами, играть роль эвристическаго принципа. Поясимъ это примѣромъ. Отъ древнѣйшаго періода римской литературы до насъ дошло очень мало реальныхъ остатковъ письменности. Однако, зная характеръ римлянина, практицизмъ римской общины, ея стремленіе къ организаціи, регулировкѣ и нормировкѣ, мы можемъ заранѣе предположить существованіе богатой и разнообразной литературы уже на первыхъ порахъ жизни римской общины. И въ литературномъ преданіи римскихъ писателей и антикваровъ мы находимъ подтвержденіе нашихъ предположеній. Археологическія находки, число которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается, даютъ окончательное оправданіе этимъ апріорнымъ ожиданіямъ.

Такъ какъ національная психологія въ свою очередь слагается подъ весьма сильнымъ вліяніемъ историко-культурныхъ фактовъ, есть, до извѣстной степени, ихъ продуктъ, то принципъ истолкованія историко-литературныхъ фактовъ изъ души народа, изъ его психологіи, естественно приводитъ къ другому, болѣе широкому принципу объясненія литературы народа изъ его исторіи, изъ совокупности историко-культур-

ныхъ, отчасти географическихъ, условий, среди которыхъ протекла его жизнь и дѣятельность. Принципъ этотъ сравнительно недавно утвердился прочно въ наукѣ и его влияние всего замѣтнѣе сказалось въ томъ, что теперь исторію римской литературы дѣлятъ на періоды не по возрастамъ чловѣка, и не по металлическимъ эпохамъ, а по культурно-историческимъ. Историческій очеркъ въ началѣ каждаго литературнаго періода считается такой же необходимой принадлежностью, какъ біографія писателя предъ обзоромъ его произведеній. Изъ такихъ „біографій“ эпохи или періода сразу видно, до какой степени ходъ литературной эволюціи опредѣляется ходомъ историческихъ событій. Возьмемъ, напр., первыя страницы изъ исторіи Рима. Онѣ переполнены военнымъ матеріаломъ. Среди войнъ шло „строение“ Civitas Рома и некогда было заниматься литературной дѣятельностью. Отсюда—медленный темпъ эволюціи вначалѣ. Потомъ, когда дѣло было немного налажено и римляне вышли побѣдителями изъ войнъ съ кареагенянами, сразу, какъ грибы послѣ дождя, возникли почти всѣ виды поэзіи, совершился переходъ къ новому, подражательному періоду литературы, очень живо и картинно описанный у Горація: „поздно взяли наши умные дѣды за грековъ—поэтовъ; въ прахъ сокрушивъ Кареагенъ, они на досугъ спросили: „ну ка, посмотримъ теперь, что тамъ за Софокль съ Эврипидомъ“. (Epist. II, 1, 161 слѣд.). Другой яркій примѣръ—вѣкъ Августа, политическая реформа котораго опредѣлила характеръ и направленіе римской литературы на данное время.

Имѣя въ виду эту громадную важность историческаго фактора въ области литературныхъ явленій, я постарался не только ознакомиться съ печатными трудами по исторіи Рима, но и прослушать въ Университетѣ нѣкоторые специально-историческіе курсы. Упомяну здѣсь о лекціяхъ проф. Гримма (исторія римской республики), который ознакомилъ слушателей съ разными типами научной обработки этого періода въ трудахъ Нибура, считавшаго изложеніе царскаго періода у Ливія переложеніемъ былиннаго эпоса,—Швеглера, внесшаго понятіе этиологическаго мифа,—знаменитаго Моммзена, старавшагося исчерпать эпиграфическій и нумизматическій матеріалъ,—Де—Санктиса, сдѣлавшаго, попытку обработать археологическій матеріалъ.

Лекціи проф. Гревса, захватывавшія эпоху разложенія римской имперіи, давали историческій фонъ для позднѣйшихъ періодовъ римской литературы.

Весьма поучительны были для меня также лекціи проф. Форстена (эпоха Возрожденія), касавшагося вопроса объ отношеніи гуманистовъ къ древнему, античному міру и, въ частности, къ римской литературѣ. Есть рѣзкая разница въ томъ, какъ относились къ этому міру гуманисты, и какъ—люди среднихъ вѣковъ. Послѣдніе усваивали только внѣшнюю, античную оболочку; духъ древней культуры для нихъ былъ недоступенъ. Наоборотъ, гуманисты подошли къ нему вплотную, можно сказать, открыли древній міръ. Петрарка, напримѣръ, не просто читаетъ, а бесѣдуетъ съ древними авторами, даже переписывается съ ними. Античный міръ представляется ему чуднымъ ландшафтомъ, а не мрачной шахтой, изъ которой извлекали крупницы истины средневѣковныя филологи.

Отъ научной, прагматической исторіи литературы въ настоящее время требуется не только объясненіе литературы даннаго народа изъ культурно-историческихъ условій его развитія, но и сопоставленіе этой литературы съ литературами другихъ народовъ. Такое сопоставленіе можетъ открыть или фактъ заимствованія, подражанія одной литературы другой, или, напр., фактъ сходства въ смѣнѣ литературныхъ явленій. Вмѣстѣ съ этимъ становится возможнымъ, съ одной стороны, отличить оригинальныя формы въ литературѣ отъ заносныхъ, съ другой—указать черты своеобразія въ самомъ ходѣ эволюціи.

Въ отношеніи къ римской литературѣ слѣдуетъ сказать, что, напр., такъ называемый „эллинистическій періодъ“ ея прямо невысказано изучать безъ постояннаго сличенія съ греческой литературой особенно александрійской эпохи. Возьмемъ ли Андроника и Эннія или Плавта съ Теренціемъ, всегда приходится дѣлать экскурсы въ область греческой комедіи, трагедіи и проч. Даже при обзорѣ литературы дѣятельности такого націоналиста, какъ Невіи, постоянныя сличенія неизбежны, и въ результатѣ получается убѣжденіе, что, какъ комплексъ художественнаго творчества, римская литература, по отношенію къ греческой, есть *posterius* не только во времени, но и въ содержаніи и формѣ.

Сравнительнымъ методомъ можно освѣтить этотъ періодъ римской литературы и съ другой стороны, именно, со стороны самаго хода, схемы эволюціи. Въ этомъ случаѣ имѣетъ свою долю значенія сближеніе исторіи римской литературы съ исторіей литературы русской, опыты чего сдѣланы въ извѣстномъ трудѣ проф. Модестова: „Лекціи по исторіи римской литературы“ (3-е изд. 1888 г.). Онъ обращаетъ вниманіе на то, что эволюція обѣихъ литературъ шла не ровнымъ темпомъ и прямымъ путемъ, а съ девиациями, блужданіемъ по орбитѣ чужой литературы. Какъ у римлянъ столкновение съ греческой образованностью послѣ завоеванія греческихъ городовъ Южной Италіи вызвало къ существованію подражательную литературу, такъ у насъ сближеніе съ западной образованностью, послѣ реформы Петра В., повело къ быстрому перениманію западныхъ литературныхъ формъ. И въ римской литературѣ и въ русской мы наблюдаемъ въ эти періоды преждевременное развитіе такихъ формъ литературнаго творчества, которыя въ нормально развивавшихся литературахъ (напр. въ греческой) появляются лишь въ концѣ эволюціоннаго процесса (драмы и трагедіи).

Проф. Модестовъ позволяетъ себѣ провести параллель и между отдѣльными литературными дѣятелями взятыхъ эпохъ. Такъ Андроникъ съ его „Одиссеей“ напоминаетъ ему нашего Тредьяковскаго съ его „Телемахидой“, а роль Эннія въ римской литературѣ сравнивается съ ролью Ломоносова въ русской. И тотъ и другой считаются родоначальниками художественной литературы у своего народа. Какъ Энній, такъ и Ломоносовъ ввели совершенно новый поэтическій размѣръ, именно, одинъ—гекзаметръ, другой—тоническій размѣръ. Оба, наконецъ, пробовали свои силы въ разныхъ родахъ и видахъ литературы, и вездѣ ими была проложена дорога для послѣдующихъ литературныхъ дѣятелей.

Доселѣ, говоря о римской литературѣ, мы разумѣли языческую латинскую письменность. Что касается до христіанской латинской литературы (поэзіи и прозы), то обстоятельное изложеніе ея я встрѣтилъ въ вышеупомянутомъ трудѣ Шанца (въ послѣднихъ, какіе успѣли выйти, томахъ его „Geschichte der Römisch. Litteratur“. Извѣстенъ также трудъ

Эберта: „Geschichte der christlich—lateinischen Litteratur“.—„An der Spitze“ христіанскихъ писателей здѣсь поставленъ Минуцій Феликсъ и весь матеріаль раздѣленъ на слѣдующіе періоды:

1) Отъ Минуція Феликса до Константина В.

2) Отъ Константина В. до смерти Августина.

3) Отъ смерти Августина до временъ Карла Великаго.

Въ высшей степени полезна была для меня книга Гастона Буассье: „Паденіе язычества“. Авторъ ея даетъ очень живыя характеристики церковныхъ писателей и прекрасно освѣщаетъ внутреннюю сторону процесса развитія христіанской латинской литературы. Въ этомъ процессѣ онъ видитъ участіе двухъ элементовъ,—языческой классической образованности и христіанскихъ идей. Оба эти элемента то вступаютъ въ борьбу между собою, то мирно уживаются другъ съ другомъ. На многихъ примѣрахъ Буассье показываетъ, какъ въ душѣ христіанскихъ писателей долго продолжали жить слѣды прежнихъ языческихъ воспоминаній. Амвросій Медиоланскій, напр., настолько сжился съ языческими авторами, что библія у него иллюстрируется ссылками на Вергилія и Плинія Старшаго. Блаж. Иеронимъ откровенно признавался въ своемъ „цицероніанствѣ“ и говорилъ, что языческая изящная словесность была очарованіемъ его дѣтства. Подвизаясь въ пустынѣ, онъ имѣлъ при себѣ сочиненіе Цицерона и Плавта, а его собственныя творенія пестрятъ цитатами изъ римскихъ авторовъ, начиная съ Эннія. Классическая литература была такъ близка ему, что являлась часто естественнымъ выраженіемъ его эмоцій; его чувства произвольно выливались въ стихи вергиліевой Энеиды. Св. Кипріанъ пишетъ письма къ Донату, напоминающія сочиненія Сенеки, а Блаж. Августинъ на виллѣ Верекунда читаетъ и комментируетъ съ своими учениками Вергилія. Даже суровый ригористъ Тертуллианъ, какъ бы созданный для сопротивленія языческимъ воспоминаніямъ юности, и тотъ, напр., въ трактатѣ „О плащѣ“ невольно возвращается въ этотъ античный міръ. Такъ можно сказать, что еще задолго до эпохи Возрожденія въ сочиненіяхъ христіанскихъ писателей какъ бы оживаетъ частично древне-римская языческая литература.

Произведенія латинскихъ писателей, языческихъ и христіанскихъ, сохранились, главнымъ образомъ, въ рукописяхъ изъ эпохи среднихъ вѣковъ, чрезъ взаимное сличеніе которыхъ (*collatio*) ученые стараются возстановить древній текстъ въ его болѣе или менѣе оригинальномъ видѣ. Для чтенія и изученія этихъ рукописныхъ памятниковъ необходимо знаніе особой науки, — палеографіи.

Въ Петербургскомъ Университетѣ въ отчетномъ году не читалось спеціальнаго курса по латинской палеографіи, но у меня подъ руками были литографированныя лекціи проф. И. И. Холодняка, читанныя имъ въ прежніе годы.

Въ нихъ предварительно данъ обзоръ матеріаловъ для письма и изложена исторія латинскаго алфавита, который выводится изъ дорійскаго алфавита халкидонскаго типа, употреблявшагося въ Средней Италіи, въ Кумахъ и Сициліи.

При характеристикѣ видоизмѣненной латинскаго рукописнаго письма за точку сравненія принимается алфавитъ лапидарный, т. е. классическаго періода, называемый *scriptura quadrata*. Изъ видовъ латинскаго рукописнаго письма ближе всего къ нему стоитъ *scriptura capitalis*—древнѣйшій, извѣстный намъ типъ латинскаго рукописнаго письма, соответствующій въ славянской палеографіи такъ называемому „уставу“. Большія, или прописныя, буквы въ позднѣйшихъ печатныхъ изданіяхъ не что иное, какъ литеры *scripturae capitalis*. Далѣе слѣдуетъ *scriptura uncialis* съ двумя подвидами: папирусное унциальное письмо и пергаментное. Первое производитъ впечатлѣніе легкаго, небрежнаго почерка и отстоитъ дальше отъ лапидарнаго, чѣмъ папирусное.—Оба типа, капитальное и унциальное письмо, объединяются въ одинъ классъ: *litterae majusculae*.

Типъ письма, приспособленный къ приему скорописи (*scriptura cursiva*), пережилъ три періода въ своемъ развитіи: 1) древнѣйшій латинскій курсивъ,—алфавитъ свинцовыхъ пластинокъ, находимыхъ въ гробницахъ, алфавитъ графитовъ (помпейскіе *graffiti*) и черъ (помпейскія и австрійскія *segae*); 2) средній курсивъ—письмо отрывковъ на папирусѣ, изъ Египта (IV—V в.)—типъ канцелярскаго каллиграфіи; 3) новый римскій курсивъ, пергаментнаго вида и папируснаго (болѣе крупный, свободный и съ смѣлыми лигатурами), вышедшій изъ древняго курсива подъ вліяніемъ унциаль-

наго. Изъ рукописнаго курсива вышли письма національныя (лангобардское, вестготское, меровингское, ирское и англо-саксонское).

Минускульное письмо,—письмо, развившееся изъ унциальнаго, прошло три стадіи развитія: 1) періодъ подготовительный—*scriptura semiuncialis*, 2) періодъ національныхъ минускуловъ и 3) періодъ каролингскаго или франкскаго минускульнаго письма, которое постепенно подходит вплотную къ литерамъ первыхъ инкунабулъ и того, что теперь называется латинскимъ шрифтомъ.

Для практическихъ занятій у меня были подъ руками: *Zangemeister und Wattenbach, Exempla codicum latinorum litteris majusculis scriptorum.*—*Vitelli—Paoli, Collezione Fiorentina di facsimili paleografici. Fascicolo I—IV.*

III.

Прослушанные мной въ Университетѣ курсы, по чтенію и экзегезу латинскихъ авторовъ, давали образецъ живого, практическаго примѣненія къ дѣлу разнообразныхъ филологическихъ знаній, специальная разработка которыхъ подѣлена между отдѣльными филологическими дисциплинами. Но такъ какъ это примѣненіе по самому существу своему носило характеръ отрывочный и случайный, то цѣльнаго знанія объ языкѣ эти лекціи, конечно, дать не могли.

Выработка болѣе или менѣе цѣльнаго и систематическаго знанія составляла главный предметъ моихъ самостоятельныхъ занятій въ области латинскаго языка, при чемъ я, какъ и при изученіи исторіи литературы, обращалъ особенное вниманіе на научную методологію.

Древніе языки можно разсматривать и изучать или въ ихъ окончательномъ сложившемся видѣ, или же „*im Werden*“,—въ самомъ процессѣ ихъ историческаго развитія. На первомъ пути мы встрѣчаемся въ области науки латинскаго языка съ такъ называемымъ „цицероніанизмомъ“ или „виргиліализмомъ“, который имѣетъ въ виду только однѣ чистыя формы классической *latinitas* и разсматриваетъ ихъ чисто математически, *in abstracto*. На второмъ пути стоитъ историко-генетическая школа, которая дала много плодотворныхъ результатовъ въ дѣлѣ научнаго изученія латинскаго языка (см. труды Штольца (*Stolz*), *Historische Gramma-*

tik d. lateinischen Sprache, а также Lindsay, The latin language (an historical account of latin sound, stems and flexions). Oxford 1894, и друг.). И на этомъ пути латинскій языкъ представляется не какъ что то застывшее, неподвижное въ своихъ грамматическихъ формахъ, а какъ нѣчто живое, какъ живой элементъ античной культуры и вмѣстѣ—важный факторъ ея.

Вотъ почему и въ центрѣ моихъ занятій стояла исторія латинскаго языка (Sprachgeschichte или Bildungsgeschichte d. Sprache нѣмецкихъ ученыхъ), какъ наука о жизни языка, его происхожденіи и постепенномъ развитіи грамматическихъ формъ (ср. опредѣленіе науки исторіи языка у проф. Будде: Лекціи по исторіи русскаго языка. Казань 1907 г.). Что же касается классической *latinitas*, то она была точкой отпавленія и вмѣстѣ *punctum comparationis* при изученіи какъ раннѣйшихъ эпохъ въ исторіи латинскаго языка, такъ и позднѣйшихъ (эпохи упадка).

Историко-генетическое направленіе въ области латинскаго языка имѣетъ два основныхъ типа: 1) Направленіе чисто историческое, вращающееся въ историческихъ предѣлахъ одного латинскаго языка, при чемъ факты этого языка излагаются или примѣнительно къ извѣстному періоду литературы, или же прослѣживаются за все время существованія литературы и письменности (статистическій трудъ Нейе по морфологіи латинскаго языка и работа Шмальца по латинскому синтаксису). 2) Направленіе сравнительно-историческое, изслѣдующее доисторическій субстратъ латинскаго языка, когда онъ еще не дифференцировался достаточно отъ среднихъ съ нимъ нарѣчій. Ясно, что это направленіе является естественнымъ дополненіемъ къ первому, такъ какъ „компаративисты“ создаютъ въ своихъ работахъ необходимый фундаментъ для спеціальныхъ грамматикъ. Таковъ капитальный трудъ К. Бругмана: *Grundriss der vergleichenden Grammatik d. indogerm. Sprachen*, представляющій сравнительное изложеніе языковыхъ фактовъ изъ области фонетики и морфологіи индо-европейскихъ языковъ.

Сюда же примыкаетъ серія трудовъ по италійской диалектологіи, которая изучаетъ сравнительныя особенности древне-италійскихъ нарѣчій (труды Моммзена, Бухелера, Конвеза и др.).

Оба направленія имѣютъ цѣлью возстановить по возмож-

ности въ полномъ видѣ ходъ эволюціи латинскаго языка, при чемъ сравнительно-историческое направленіе имѣть специальной задачей освѣтить темный вопросъ о происхожденіи латинскаго языка (*Origines de langue latine* у французскихъ филологовъ).

Звенья эволюціи латинскаго языка далеко еще не установлены, имѣется много пробѣловъ и нужны ученая пытливость и находчивость для обнаруженія этихъ недостающихъ звеньевъ. Наука движется впередъ благодаря увеличенію числа источниковъ, необходимыхъ для познанія прошлыхъ судеб латинскаго языка. А это расширеніе достигается главнымъ образомъ путемъ археологическихъ открытій—находокъ реальныхъ памятниковъ исторіи языка, и открытій методологическихъ,—находчивости ученыхъ въ обработкѣ и использованіи уже существующихъ матеріаловъ по исторіи языка. Ниже у меня приведены примѣры такихъ „методологическихъ“ находокъ.

Въ исторіи латинскаго языка намѣчаютъ нѣсколько періодовъ. При регрессивномъ движеніи отъ классической *latinitas* къ раннѣйшимъ эпохамъ мы встрѣчаемся прежде всего съ періодомъ архаической литературной латыни, памятниками которой являются произведенія старинныхъ римскихъ писателей въ родѣ Андроника, Эннія и другихъ, въ языкѣ которыхъ замѣтно отступленіе отъ классическаго языка.

Литературному періоду архаической латыни предшествовалъ періодъ долитературный, къ которому относятся такіе памятники, какъ 1) *Numasioi—fibula*—золотая брошь, найденная въ городѣ *Palestrina* (древн. *Пренесте*) въ концѣ 1886 г. и относимая къ VI—V в. до Р. Хр.; 2) *Duenos—inscriptio*—глиняный сосудъ, найденный въ 1880 г. у подошвы *Квиринала* и относимый къ V в. до Р. Хр.; 3) *Elogium* *Сципіона* (230-хъ годовъ); 4) реставрированная ростральная колонна *Дуиллія* (260 г.).

Идя дальше въ глубь вѣковъ, мы вступаемъ, наконецъ, въ темный доисторическій періодъ, который нѣсколько освѣщается благодаря сравнительному языкознанію, которое въ этомъ случаѣ играетъ роль палеонтологической науки.

Существеннымъ источникомъ для изученія архаической латыни, помимо литературныхъ памятниковъ въ тѣсномъ смыслѣ, являются надписи, особенно древнѣйшія. Матеріаль

этотъ за послѣднее время на столько увеличился, благодаря многочисленнымъ раскопкамъ, что изученіе его выдѣлено теперь въ особую науку эпиграфику, — pendant къ палеографіи. Капитальнымъ изданіемъ эпиграфическихъ памятниковъ является берлинскій *Corpus inscriptionum latinorum*, издававшійся подъ редакціей Моммзена. Затѣмъ слѣдуютъ изданія Ричля: *Priscae lalinitatis monumenta epigraphica*, Гюбнера: *Exempla scripturae epigraphicae latinae*, Berolini 1885, и др. сборники (*Sylogè*).

Для ориентировки въ богатомъ эпиграфическомъ запасѣ мною были проштудированы соотвѣтствующія руководства и особенно прекрасная книга проф. Cognat: *Cours d'Epigraphie latine* (2-е изд. 1889 г.). Она знакомитъ съ алфавитами римскихъ надписей (архаическій, монументальный, курсивный), съ употребленіемъ въ нихъ лигатуръ, раздѣлительныхъ и числовыхъ знаковъ. Далѣе говорится объ элементахъ, общихъ различнымъ классамъ надписей: — указаніе именъ (*nomeu*, *cognomeu*, *praenomeu*) римскихъ гражданъ; именъ рабовъ, вольноотпущенниковъ; указаніе филіаціи, трибы, родины, указаніе титула (*cursus honorum*). Затѣмъ слѣдуетъ раздѣленіе надписей по классамъ и характеристика формъ, свойственныхъ каждому изъ нихъ. Извѣстная правильность, однообразіе, наблюдаемая въ надписяхъ, принадлежащихъ къ одному какому-либо классу, позволяютъ вывести нѣкоторые эпиграфическіе законы, которые имѣютъ значеніе при реконструкціи пробѣловъ въ надписяхъ и критикѣ подлинности ихъ. Приведу для примѣра характеристику надгробій. Существенными (конститутивными) частями погребальныхъ надписей являются: 1) формула инвокаціи: *D. M. S.* = *dis manibus sacrum*, 2) имя погребеннаго, 3) формула годовъ. Къ аксессуарамъ принадлежатъ: 1) формула, указывающая, что мертвый покоится въ той могилѣ, гдѣ надпись (*hic quiescit*, *hic crematus est*, *hic ossa sunt*), 2) пожеланіе, обращенное къ умершему со стороны живыхъ (*sit tibi terra levis*), 3) привѣтствіе отъ лица мертваго живымъ (*salve, vale viator*) и рядъ другихъ деталей.

Помимо прямыхъ источниковъ для исторіи латинскаго языка, въ видѣ литературныхъ произведеній древняго періода и надписей, есть еще, такъ сказать, — косвенныя. Сюда принадлежатъ:

1) Сочиненія римскихъ грамматиковъ и антикваровъ, обрацавшихъ вниманіе на особенности архаическаго языка и приводившихъ образцы его въ видѣ отдѣльныхъ словъ, выраженій и цѣлыхъ текстовъ (труды Варрона, Феста, Геллія, Проба, Харисія и др.).

2) Формулы и обороты, употреблявшіеся въ религіозномъ ритуалѣ и государственныхъ дѣлахъ. Замѣчено, что формулы вообще обладаютъ способностью сохранять старья слова и старья формы словъ. Происходитъ это отъ того, что вслѣдствіе ихъ механическаго повторенія съ словами перестаютъ связывать смыслъ. Они становятся простыми *flatus vocis* и какъ бы окаменѣваютъ, эволюціонный процессъ на нихъ уже не распространяется. Благодаря этому сохранились старья формы словъ, въ родѣ *ollus=illi*, въ формулѣ восклицанія глашатая при выборахъ: *olla centuria!* а также въ фразѣ, произносимой при смерти: *ollus leto dato est!* Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о гимнахъ саліевъ и арвальскихъ братьевъ, представляющихъ образчики такого древняго языка, что даже для самихъ римлянъ поздней эпохи онъ былъ мало понятенъ.

Обломки древняго языка въ формулахъ и ритуальныхъ оборотахъ принадлежатъ вообще къ классу пережитковъ языка, которыхъ не мало разсѣяно по классической *latinitas*. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ такъ называемыя исключенія изъ правилъ, неправильныя формулы спряженія и склоненія, которыя констатируются, но обычно не объясняются въ школьныхъ грамматикахъ латинскаго языка, есть не что иное какъ лингвистическіе рудименты. И если ихъ освѣтить историко-генетическимъ принципомъ, то они окажутся такимъ же закономернымъ явленіемъ, какъ и прочія „правильныя“ формы. Темпъ развитія бываетъ не одинаковъ въ разныхъ частяхъ языка, — въ вокализмѣ, консонантизмѣ, морфологій и проч. Въ однихъ отдѣлахъ онъ слишкомъ быстръ, въ другихъ оказывается болѣе медленнымъ. Съ точки зрѣнія ушедшихъ впередъ элементовъ языка другіе ужъ будутъ пережитками. Но сосуществуя вмѣстѣ съ первыми, эти послѣднія являются прекраснымъ средствомъ для возстановленія звеньевъ эволюціи.

3) Вульгарная латынь.—За послѣднее время учеными обращено вниманіе на любопытный фактъ, что латынь періода

упадка, или такъ называемая вульгарная латынь и латынь церковная, содержатъ въ себѣ элементы очень древняго происхожденія, формы, напоминающія языкъ Плавта и другихъ архаическихъ писателей. Объясняется это тѣмъ, что вульгарная латынь, образцами которой, между прочимъ, служатъ древне-италійскіе переводы Библии (Итала) и сочиненія нѣкоторыхъ церковныхъ писателей, выросла изъ простонародной римской рѣчи (*sermo plebejus*). Простонародная рѣчь, какъ замѣчено, отличается большей консервативностью сравнительно съ литературной рѣчью. Въ то время, какъ *sermo urbanus*, подъ воздѣйствіемъ литературныхъ талантовъ и геніевъ языка, совершенствовался и развивался въ фонетикѣ, морфологіи и синтаксисѣ, народный языкъ продолжалъ хранить старые обороты рѣчи и слова. Постепенно удаляясь въ своемъ развитіи отъ литературнаго, *sermo rusticus* въ концѣ концовъ оказался съ своимъ собственнымъ лексикономъ (вмѣсто *edere—manducare*, *vm. equus—caballus*, *vm. caput—testa*), съ своимъ склоненіемъ (употребленіе предлоговъ вмѣсто падежныхъ окончаній), спряженіемъ (смѣшеніе различныхъ спряженій) и вообще съ своей этимологіей (*Volks-etymologie*).

Sermo plebejus не разъ пробивался на поверхность литературной рѣчи въ комедіяхъ Плавта, бравшаго свой языкъ съ форума и базаровъ, въ произведеніяхъ Варрона и вообще въ произведеніяхъ *scriptorum rei rusticae*, и въ концѣ концовъ завоевалъ себѣ прочное мѣсто въ литературѣ въ видѣ вульгарной латыни. Разнесенный римскими солдатами по провинціямъ *Orbis Romanus*, онъ повелъ къ образованію романскихъ нарѣчій и въ союзѣ съ ними довершилъ упадокъ классической *latinitas*. Такъ называемая церковная латынь въ своемъ развитіи рисуетъ намъ не что иное, какъ борьбу школьнаго классическаго языка съ вульгарнымъ.—Какъ ни стараются христіанскіе писатели удержаться на высотѣ языка Цицерона и Горація, вліяніе вульгарной латыни даетъ себя знать, особенно въ синтаксисѣ. Языкъ же древне-италійскихъ переводовъ Св. Писанія есть прямо языкъ вульгарной латыни. И замѣчательно, что въ немъ открываютъ много сходствъ съ языкомъ Плавта (ср. *Rönsch, Itala und Vulgata*). Такъ древняя латынь и латынь позднѣйшая оказываются близкими между собою, такъ что вторая можетъ служить хоро-

шимъ источникомъ для познанія первой. Открытіе это составляетъ крупную заслугу современной научной методологіи.

Въ связи съ увеличеніемъ интереса къ вульгарной латыни стоитъ и внимательное изслѣдованіе учеными глоссаріевъ, которые даютъ новые языковые факты, не засвидѣтельствованные другими источниками. Глоссаріи теперь собираются въ одно цѣлое и, въ параллель *Corpus inscriptionum latinarum*, мы имѣемъ *Corpus glossariorum latinorum*, ed. Goetz. Прекрасный образецъ примѣненія глоссографическихъ данныхъ къ латинской „*Sprachgeschichte*“ даетъ проф. М. Покровскій въ своей книгѣ: „Матеріалы для исторической грамматики латинскаго языка“.

4) Латинская ономотологія. — Въ самое недавнее время среди латинскихъ филологовъ и въ частности лексикографовъ возникъ особенный интересъ къ собственнымъ именамъ въ латинскомъ языкѣ, и уже вышло нѣсколько специальныхъ изслѣдованій по этому предмету (Шульце, *Zur Geschichte lat. Eigennamen*, Berl. 1904, и Циммермана, *Zur Entstehung bezw. Entwicklung d. altrömischen Personnamen*). Интересъ этотъ объясняется тѣмъ, что, какъ оказывается, нѣкоторыя латинскія *cognomina* являются или совершенно новыми, дотолѣ неизвѣстными, лексическими единицами, или же подтвержденіемъ рѣдко встрѣчающихся словъ (*ἀλαξ λεῖόμενα*). Таковы латинскія прозвища: *Missor*, *Geminator*, *Vulsor*, *Mascator* и др. (см. Грушка, Этюды по латинскому именному словообразованію М. 1906 г. :) Предъ нами, такимъ образомъ, новое „методологическое открытіе“, прибавляющее новый источникъ для изученія латинскаго языка.

Но особенно важнымъ фактомъ въ области научной методологіи оказывается примѣненіе къ латинскому языкознанію данныхъ сравнительнаго языковѣдѣнія вообще и сравнительнаго изученія италійскихъ языковъ въ частности (италійская діалектологія). Значеніе этихъ данныхъ для классической филологіи признано въ наукѣ сравнительно недавно. Сильный толчокъ работамъ въ этомъ направленіи далъ извѣстный проф. Курціусъ, который и въ своихъ лекціяхъ по греческому языку и въ печатныхъ трудахъ привлекъ для объясненія и сравненія санскритъ. Послѣ него Корсенъ уже заявляетъ, что закрывать глаза на результаты сравнительнаго языковѣдѣнія значитъ не признавать солнечнаго свѣта.